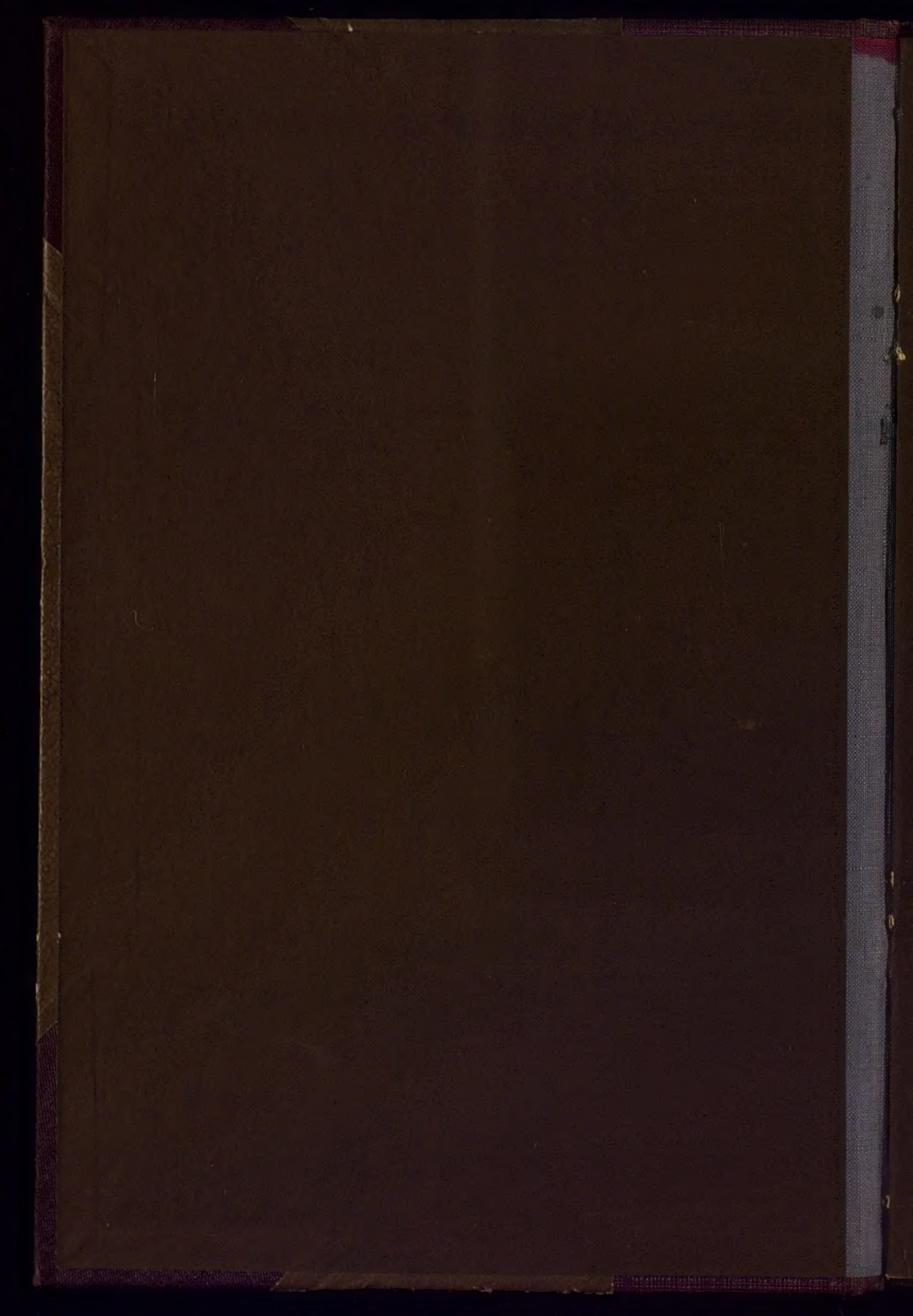


и

ТРОЦКИЗМ


ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН 141
П 259





ЕН141
П 259

Л. Б. КАМЕНЕВ

ПАРТИЯ
и
ТРОЦКИЗМ

(УРОКИ ПАРТИЙНОЙ ИСТОРИИ)



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

Л. Б. КАМЕНЕВ

ЕН 141
П 259

ПАРТИЯ
и
ТРОЦКИЗМ

(УРОКИ ПАРТИЙНОЙ ИСТОРИИ)

С ПРИЛОЖЕНИЕМ РЕЗОЛЮЦИИ МК РКП
от 18/XI 1924 г.



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

ЕН141
П 259



Гиз. № 8603. АП—55. Главлит. № 28623 Москва. Напеч. 20.000 экз.

Госиздат. 1-я Образцовая типография, Москва, Пятницкая, 71.

ОТ АВТОРА

Печатаемое представляет стилистическую обработку доклада, прочитанного мною 18 ноября на собрании Московского Комитета РКП с активными работниками, повторенного 19 ноября на расширенном заседании фракции членов и кандидатов пленума ВЦСПС созыва VI съезда Союзов, с участием представителей ЦК союзов, Областных Совпрофов, Областных бюро ВЦСПС и крупнейших ГСПС, участников Съезда, фракции пленума ЦК металлистов, ЦК сахарников, химиков и железнодорожников и 21 ноября — на Всесоюзном Совещании начпуокров, начпуфлотов, военкомбригов, военкомдивов, начподивов и руководящего комполитсостава частей московского гарнизона.

Л. К.

ОТ АВТОРА

Настоящее руководство [illegible] работу [illegible] Правительства [illegible] 21 [illegible] СССР [illegible] республиками. [illegible] 12 [illegible] 11 [illegible] и круп- [illegible] 21 [illegible] частей [illegible]

[illegible]

Товарищи, предметом моего доклада будет последнее выступление тов. Троцкого, — выпущенная им накануне годовщины Октябрьской революции статья, названная автором „Уроки Октября“. Троцкий довольно часто дарит партии свои книжки. До сих пор, однако, мы не находили нужным специально останавливаться на этих книжках, хотя в ряде их нетрудно заметить отступления от большевизма, от официальной идеологии нашей партии. На этой книжке необходимо остановиться и разобрать ее до конца, прежде всего потому, что темой своего последнего выступления тов. Троцкий взял уроки Октября.

Так как вся наша партия, весь Коминтерн, все мировое рабочее движение, вся рабочая молодежь учится и будет учиться именно на уроках Октябрьской революции, то нельзя думать, что истолкование этих уроков есть частное дело того или другого автора.

Раз „Уроки Октября“ выходят под партийной фирмой, раз они исходят от члена ЦК и Политбюро нашей партии, руководящей Коминтерном, что не есть тайна ни для кого, то ясно, что нам грозит опасность, что подобные выступления, подобные „уроки“ могут быть восприняты, как учебник не только для членов нашей партии, для нашей молодежи, но и для всего Коминтерна. И по форме выступление тов. Троцкого рассчитано именно на то, чтобы быть учебником для Коминтерна. Всякий, кто читал эту статью, видел, что она апеллирует не только к нашей партии, но и к международному пролетариату, и к коммунистическим партиям всех стран. Поэтому

я и сказал, что это — не частное дело, и спор по поводу того, правильно или нет изложены уроки Октября, не есть литературный спор, не есть дело литераторов: это — политический спор, это — дело всей партии. Если бы раздались голоса, что спор, вызванный книжкой тов. Троцкого, есть только спор между Троцким, Бухариным, Зиновьевым, Сталиным и Каменевым, что это есть спор отдельных литераторов, то такие товарищи признались бы в том, что они не понимают подлинных интересов партии.

Такие рассуждения могут исходить лишь от товарищей, которые хотели бы воспользоваться спором внутри партии для создания какой-то третьей группы, которая базировалась бы на том, что „литераторы спорят, а нас это не касается“.

Нет, спор об уроках Октября, спор о том, что международный пролетариат должен взять из Октябрьской революции, это не есть дело литераторов, это есть дело всей партийной толщи.

Никто не имеет права оставаться в стороне от этого спора. Это есть глубочайший вопрос нашей внутренней жизни и жизни Коминтерна. Может ли партия рекомендовать учиться по Троцкому, или же она должна всем своим авторитетом предостеречь пролетариат от тех выводов, которые тов. Троцкий делает в своих „Уроках Октября“? Вот в чем вопрос.

Я не имею здесь в виду подробно разбирать эту статью тов. Троцкого. Тов. Троцкий — искусный литератор, и его искусное перо неоднократно служило партии.

Здесь же оно служит антипартийным элементам, здесь оно служит не большевизму, а делу разложения и дискредитирования большевизма и как идеологии пролетарской революции, и как организации боевых элементов пролетариата.

Достигнуто это чрезвычайно искусным, но, в основном, неправильным, противоречащим фактам изложением всех событий, начиная с февраля и по октябрь. Я не сомневаюсь, что партия выдвинет ряд авторов, участников этих событий, непосредственных борцов тех

дней, которые укажут и разберут отдельные извращения, допущенные тов. Троцким по отношению ко всем решающим моментам партийной истории той эпохи: извращена апрельская демонстрация, извращена апрельская партийная конференция, извращены июньские и июльские события; извращены события, связанные с деятельностью предпарламента, извращен ход самых событий в октябре. На всем этом, на деталях восстановления исторической правды и на сопоставлении того, что говорится тов. Троцким, с документами, — на всем этом, я не могу здесь останавливаться. Я хочу поставить только общий вопрос о социально-политическом смысле выступления тов. Троцкого, о том значении, которое это выступление имеет в связи со всеми выступлениями тов. Троцкого и с ролью тов. Троцкого в нашей партии.

По понятным причинам мы избегали ставить этот вопрос, но теперь мы не можем избежать этого, потому что тов. Троцкий, затронув вопрос об Октябре, о роли нашей партии и о роли Ленина в деле создания идеологии Октябрьского переворота и в деле проведения Октября, сам заставляет нас поставить вопрос об общем смысле всех выступлений тов. Троцкого на протяжении истории большевистской партии.

Я, поэтому, должен буду остановиться на вопросе о троцкизме и большевизме вообще, взяв последнее выступление тов. Троцкого лишь как один из наиболее ярких и показательных элементов общей линии тов. Троцкого.

Прежде всего нужно спросить себя, действительно ли тут есть какая-нибудь общая линия? Когда говорится о троцкизме, что под этим подразумевается? Идет ли дело о личности тов. Троцкого или о некоторых общих, далеко не личных явлениях в истории рабочего движения за последние 20 лет в России? С чем мы тут имеем дело — с личностью, с индивидуальностью, или с некоторым обобщением, с какой-то струей, которая порождена общими условиями развития рабочего движения в мелко-буржуазной стране, со случайным явлением или с явлением, которое имеет за собой историю, кото-

рую забывать нельзя? Если вы обратитесь для решения этого вопроса к сочинениям тов. Ленина, то должны будете констатировать, что нет почти ни одного тома сочинений тов. Ленина вплоть до Февральской революции и — с некоторым перерывом — вновь, начиная с 1918 года, в котором вопрос о троцкизме не стоял бы постоянно и не обсуждался бы систематически. Почему?

ТРОЦКИЗМ И ПАРТИЯ ДО РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

Наша партия сложилась в стране мелко-буржуазной, в стране капиталистически-отсталой, и вопрос о том, каким образом пролетариат, поставленный в условия наиболее отсталой из европейских стран, окруженный крестьянской мелко-буржуазной стихией в большей мере, чем пролетариат какой-либо другой страны, как этот пролетариат еще при царском самодержавии мог родить, создать и выковать партию, которой судьбами истории было предназначено стать во главе всего международного движения, — есть основной вопрос *самопознания партии*. Этот вопрос, есть вопрос о нашем происхождении и развитии, и партия неоднократно выясняла для себя, почему и каким образом пролетариату России (выражаясь по старому) в отсталой крестьянской стране, при самодержавии, суждено было выковывать и выковать тот ленинизм, который теперь является путевой звездой для всего международного пролетариата, для пролетариата гораздо более капиталистически развитых и экономически подготовленных стран, чем Россия. Я не буду сейчас останавливаться на этих объяснениях. Одно — несомненно. В этих условиях партия революционного пролетариата, партия большевиков могла сложиться только в постоянной, систематической, неустанной борьбе с мелко-буржуазной стихией, пытавшейся подчинить себе рабочий класс. Большевизм есть учение насквозь боевое в том смысле, что оно создавалось, росло, крепло и окрепло в постоянной и неустанной борьбе со всеми формами влияния буржуазии на пролетариат.

Концентрированным выражением политики влияния буржуазии на пролетариат является меньшевизм. Тридцатилетняя история большевизма есть тридцатилетняя история его борьбы с меньшевизмом. Ленинизм есть учение о борьбе пролетариата против буржуазии. Именно поэтому ленинизм есть в то же время учение о войне против меньшевизма.

Формы влияния буржуазии на пролетариат менялись в зависимости от смены исторических эпох. Менялись соответственно и формы, виды, разновидности, приемы меньшевизма. Неизменной оставалась ленинская „бешеная“ борьба против меньшевизма, ленинское уменье под всеми видоизменениями форм и приемов меньшевизма вскрыть его доподлинную сущность: враждебность делу создания большевистской идеологии и делу строительства большевистской партии. Это знают или, по крайней мере, предполагается, что это должны знать *все*. Все понимают, что тот, кто не усвоил себе мысли, что большевизм есть систематическая борьба с меньшевизмом, тот ничего не понял в большевизме, ничего не понял, ни в его истории, ни в его историческом облике, ни в том, как и почему большевизм победил. Далеко не все знают, и до недавнего времени предполагалось, что *этого* все и не должны знать, что так же, как ленинизм сложился, вырос и победил в постоянной, систематической борьбе с меньшевизмом, он рос, вырос и победил в постоянной, систематической борьбе с троцкизмом.

Почему?

Потому, что троцкизм в продолжение всего того периода, когда наша партия подготовлялась к решительной классовой борьбе пролетариата с буржуазией, создавая ленинизм, как учение о пролетарской революции, и складывая партию, как ее руководителя, — троцкизм служил не чем иным, как агентурой меньшевизма, как прикрытием меньшевизма, как маскировкой меньшевизма.

Начиная с 1903 года, т.-е. с момента рождения меньшевизма, и до его окончательного краха в 1917 году, Троцкий выполнял роль агента меньшевизма среди рабочего класса. Это — факт, без усвоения которого совер-

шенно невозможно понять ту роль, которая отведена Троцкому во всех сочинениях Ленина на протяжении последних 20 лет.

Всякий, кто будет изучать историю партии по сочинениям Ленина, — а у нас нет и не будет лучшего, более глубокого и более богатого содержанием и выводами учебника по истории партии и революции, — неизбежно убедится, что на протяжении всей своей борьбы за партию и за революцию против меньшевиков Ленин рассматривает Троцкого (его линию в целом на протяжении десятилетий и его отдельные выступления) только и исключительно, как агента меньшевизма, как оружие, которым пользуется меньшевизм для захвата влияния в тех или других слоях рабочего класса, как слугу меньшевизма. Для Ленина Троцкий, „троцкизм“ — такое же характерное, не случайное, давлением буржуазии порожденное явление в общей сумме враждебных подлинной пролетарской партии явлений, как длинный ряд других групп и группок, фракций и подфракций, течений и теченьиц, которые рабочему классу надо было побороть, чтобы создать свою пролетарскую партию.

Для Ленина, начиная с 1903 г., Троцкий интересен не как личность: он для Ленина, — а с ним и для партии, — типичное воплощение одной из исторических струек, враждебных созданию большевистской партии, враждебных созданию большевистской идеологии, т.-е. идеологии пролетарской революции и большевистской пролетарской организации. Для него это живое — порой талантливое, порой плоское и излишне-фразистое воплощение враждебной делу пролетариата стихии, — так же, как Мартов, Чернов, Аксельрод, которых он разбирает именно как воплощение определенных общественных явлений, а отнюдь не как личность. Эта систематическая борьба с троцкизмом, как враждебным большевизму течением, проходит у Ленина на протяжении всех томов его сочинений, вплоть до момента, когда Троцкий примкнул к нашей партии. Здесь следует перерыв и затем — в другой форме — возвращение к этой же борьбе.

В дни первой революции.

До 2-го съезда партии в 1903 г., до раскола меньшевиков и большевиков, т. Троцкий служил ленинской „Искре“, как служили ей Мартов, Потресов и другие меньшевики. За свое усердие в деле проведения ленинских планов на первых заседаниях съезда т. Троцкий заслужил даже кличку „ленинской дубинки“. Почетная роль! Но для политической истории тов. Троцкого характерна не столько эта роль, сколько то, что он немедленно изменил ей, как только—на последних заседаниях того же съезда—на сцену вышли меньшевики.

Организационный разрыв на съезде между меньшевиками и большевиками произошел на вопросе о выборах Центрального Комитета партии.

Надо было выбрать трех. На двоих из этой тройки сходились меньшевики и большевики. Меньшевики третьим хотели иметь... вчерашнюю „ленинскую дубинку“—Троцкого. Ленин ни за что на это не соглашался. Меньшевики ни за что не хотели уступить. Видимо, и Ленин и Мартов хорошо оценили, насколько эта „дубинка“, действительно, оказалась „ленинской“. Ленин имел большинство на съезде. Троцкий в ЦК выбран не был. Тогда совместно с Мартовым, Даном, Аксельродом и другими т. Троцкий *создает фракцию меньшевиков*, срывает решение съезда, становится во главе бойкота центральных органов партии, возглавляемых Лениным; пишет против Ленина политический памфлет,—одно из самых претенциозных и самых отвратительных произведений меньшевистской литературы, в котором всю политику Ленина объясняет жаждой власти в партии со стороны „кандидата в диктаторы“ (т.-е. Ленина). Вся компания меньшевиков, во главе с Мартовым, Даном и другими, печатно рекомендует этот памфлет т. Троцкого к широкому распространению [1]). Так начинается история меньшевизма и история т. Троцкого в партии.

---

[1]) Подробнее см. книжку т. Канатчикова „История одного уклона“, подробно и дельно излагающую ряд выступлений т. Троцкого.

Став оруженосцем Мартова и Аксельрода, т. Троцкий, как политическая фигура, потерял для Ленина всякий интерес. Ленин длительно и систематически спорил с меньшевиками, с Плехановым, Аксельродом, Мартовым, с Мартыновым, выяснял рабочим и разоблачал перед рабочими их взгляды, но тратить время на споры с их сотрудником, Троцким, Ленин считал излишним. „Следует воевать с Плехановым, надо полемизировать с Мартовым, можно спорить с крайним оппортунистом Мартыновым, но тратить время на споры с Троцким— не стоит",—внушал тогда Ленин своим сотрудникам.

Когда же т. Троцкий попытался уже летом 1905 г. выбраться из меньшевистского небытия тем путем, что своими словами изложил идею Парвуса о „перманентной революции", Ленин, подробно разобрав и отвергнув идеи и лозунги Парвуса, по поводу самой-то брошюры Троцкого выразил только сожаление, что „революционный социал-демократ" Парвус счел возможным выступить „вместе с Троцким", с его „революционной фразой". Больше ни о т. Троцком, ни об его „оригинальной" теории Ленин не счел нужным сказать ни одного слова. (Ленин. Собрание сочинений. Т. VII, стр. 130). Кстати. Именно эту брошюру т. Троцкий пытается теперь навязать партии, как диплом на свою революционность, стараясь доказать, что Ленин оказался прав лишь постольку, поскольку стал на точку зрения этой брошюры т. Троцкого. Об этом подробнее ниже.

За весь период первой революции, в годы, когда рабочие массы впервые в действии получили возможность проверить различные теории русской революции и вытекающие из них тактические приемы, когда Ленин ожесточенно отстаивал большевистскую схему революции, он ни разу не счел нужным добавить что-нибудь к своей характеристике принципиальной позиции Троцкого, как к „революционной фразе". Ленин знал, что эта „левая фраза" Троцкого о „перманентной революции", во-первых, решительно ничего не определяла в действительном ходе революции и рабочего движения, и что, во-вторых, она нисколько не мешала т. Троцкому оставаться в меньшевистской организации, работать в меньшевист-

ском центральном органе, политически сотрудничать с меньшевиками. Ленин имел марксовскую привычку судить о людях, партиях, направлениях по делам, а не по словам.

Во всю эпоху первой революции (1905—1907 г.г.), когда пролетариат впервые получил возможность выступить на арену в виде массовой силы, демонстрируя в действии свою классовую политику и свое отношение к другим классам, проявилась ожесточенная борьба только двух тактик, только двух политик, только двух схем русской революции: это были меньшевизм, который недооценивая или пренебрегая крестьянством, тянул рабочий класс к соглашению с буржуазией, и большевизм, который звал крестьянство поддерживать рабочих в их борьбе и с царизмом, и с буржуазией, во имя диктатуры пролетариата и крестьянства. Эта борьба большевиков и меньшевиков в первой революции за направление революции — как и вся первая революция — предвосхищала, в основном, борьбу, развернувшуюся до конца во вторую революцию, в революцию 1917 г. Как и в этой последней, теория Парвуса—Троцкого в ходе первой революции не играла *никакой* роли: она—по предсказанию Ленина—осталась фразой, оторванной от подлинного хода классовой борьбы, и сохранилась не в живых событиях подлинной борьбы, а лишь на запыленных страницах старых меньшевистских газет. Вот почему Ленин не потратил на ее опровержение в ходе революции ни одного слова.

В дни контр-революции.

Революционная волна спала. Партия перестраивается для длительной и тяжкой работы в атмосфере контрреволюции. „Левая фраза“ потеряла всю свою эффектность. Приходится закладывать основы новой тактики, приходится спасать от контр-революционного погрома, в атмосфере усталости рабочего класса, разгрома пролетарских организаций, разгула ренегатства, измены и злорадства над задавленной революцией, спасать то, что можно еще спасти,—знамя революционной тактики

пролетариата, основы его нелегальных организаций. Приходится защищать знамя революционной политики рабочего класса, над которым начинают издеваться, которое топчут в грязь все меньшевики. В этот момент, самый трудный для большевистской партии, потому что вся атмосфера разгрома революции была направлена против большевиков, вся целиком поддерживала меньшевистские, ликвидаторские—по отношению к партии и к революции—тенденции, в этот момент т. Троцкий, который, когда революция шла вверх, вместе с Парвусом обязательно хотел „быть революционнее всех“, казалось, должен был бы прийти на помощь большевикам. Так, по крайней мере, поступил принципиальный наш противник в 1905—1907 г.г., Плеханов: старый революционер не выдержал перед лицом всеобщей волны ренегатства, он—рядом с большевиками—бросился в бой под знаменем: „генеральное межевание“, т.-е. генеральное отмежевание пролетарских революционеров от меньшевиков-ликвидаторов [1]). Троцкий поступил обратно.

Первое выступление т. Троцкого в этот момент начавшейся контр-революции произошло на лондонском съезде. Большевики воевали на съезде с меньшевиками-ликвидаторами, в частности с фракцией 2-й Думы, во главе которой стояли всем нам хорошо теперь известные политики Церетелли и Дан. Большевики критиковали эту думскую фракцию, как фракцию, которая, проводя на деле меньшевистские взгляды, пыталась встать на путь западно-европейского социал-демократического парламентаризма. Мы знаем, что это—именно та теплица, в которой выращиваются самые отравленные плоды предательства рабочего класса. Против первых же шагов по этому пути большевики выступили с решительной критикой.

Тов. Троцкий, конечно, защищает меньшевистскую фракцию от большевистских нападок. Ленин характеризует его позицию: „Троцкий говорил от имени центра, он выражал взгляды Бунда (Бунд—самая оппортуни-

[1]) Правда, боевого пыла хватило у Плеханова не надолго.

стическая организация, которая когда-либо была в партии, самая беспринципная; для нее, пожалуй, беспринципность характернее, чем оппортунизм; она была организацией ремесленников и отражала их непролетарский дух). Он громил нас за внесение „неприемлемой“ резолюции. Он грозил прямо расколом... Разве это не чудовищно?... Одна возможность такой постановки вопроса показывает, что есть непартийное нечто в нашей партии... Это не принципиальная позиция, а беспринципность центра“ и, конечно, его защитника, Троцкого [1]).

Дальше т. Ленин найдет еще гораздо более выразительные слова для характеристики позиции т. Троцкого в момент, когда наша партия подытоживала опыт 1905 г. и на этой основе закладывала фундамент для всего будущего партии. Но эти слова Ленина уже предвосхищают всю ту роль, которую суждено было т. Троцкому играть в течение десятилетия относительно нашей партии.

Таково было *первое* выступление т. Троцкого после революции 1905 года. С этого момента и вплоть до 1917 г., т. Троцкий выступает неизменно как защитник меньшевиков против большевиков, как противник складывающейся в борьбе большевистской партии и именно как таковой неизменно же рассматривается партией.

Последуем теперь за Лениным и взглянем, как он характеризовал роль т. Троцкого в трудном процессе создания большевистской партии, т. е. в процессе создания и теории, и организации руководства пролетарской революции.

1910 г. Май. Момент *формального выделения* большевиков, окончательного идейного и организационного размежевания большевиков с проводниками буржуазного влияния на пролетариат, меньшевиками-ликвидаторами, во главе которых идут Аксельрод и Мартов, и отзовистами, во главе которых известный впоследствии ренегат Алексинский. Ленин пишет (собр. сочин., т. XI, часть 2-я, стр. 49—53):

---

[1]) Ленин. Собр. соч., т. VIII, стр. 387—8.

„Представители двух крайних течений, одинаково выражающих подчинение буржуазным идеям, одинаково антипартийных, сходятся целиком в своей внутрипартийной политике, в борьбе с большевиками... Резолюция Троцкого только по внешности отличается от „излияний“ Аксельрода и Алексинского. Она составлена очень „осторожно“ и претендует на „сверх-фракционную“ справедливость. Но в чем ее смысл? Во всем виноваты-де „большевистские вожди“—это та же „философия истории“, что у Аксельрода и Алексинского“...

„Не трудно видеть—продолжает Ленин,—как бессодержательны звонкие фразы в резолюции Троцкого, как они служат на деле отстаиванию той же самой позиции, на которой стоят Аксельрод и К°, Алексинский и К°. Ведь в этом вся бездна различия между примиренчеством Троцкого и К°,—которое на деле служит самую верную службу ликвидаторам и отзовистам, а потому является тем более опасным злом в партии, чем хитрее, изысканнее, фразистее оно прикрывается якобы партийными и якобы антифракционными декламациями,—и между партийностью действительной, которая состоит в очищении партии от ликвидаторства и отзовизма“.

Ожесточенная борьба за основы большевизма продолжается. Все враги большевизма объединяются и единым фронтом наступают на большевиков, на партию, на ее центральные учреждения. Ленин возвращается к вопросу о значении этой борьбы и о роли Троцкого и пишет (конец 1910 г. Собр. соч., т. XI, часть 2-я, стр. 182—3, 187):

„За статьей Мартова и резолюцией Троцкого скрываются определенные практические действия, направленные против партии. Статья Мартова есть лишь литературная форма, в которую облечена предпринятая голосовцами (меньшевиками) кампания с целью срыва ЦК нашей партии. Резолюция Троцкого есть выражение того же самого, что составляет цель голосовцев (меньшевиков): разрушить ненавистные ликвидаторам центральные учреждения (большевиков), а с ними заодно—и партию, как организацию. Эти антипартийные

действия голосовцев (меньшевиков) и Троцкого недостаточно вывести на свежую воду, с ними нужно бороться".

Как видите, товарищи, всяко бывало в нашей партии, и многое, что молодым членам партии кажется новым, для нас, стариков, и для внимательных читателей сочинений Ленина из молодежи, совсем не кажется уже таким новым. Всяко бывало!

Ленин продолжает:

„И мы заявляем поэтому *от имени партии в целом*, что Троцкий ведет антипартийную политику, что он разрывает партийную *легальность*, вступает на путь *авантюры и раскола*... Умалчивает Троцкий об этой бесспорной правде (об антипартийных группах) потому, что для *реальных* целей его политики правда непереносима... Эти реальные цели—*антипартийный блок*, каковой блок Троцким поддерживается и организуется... Этот блок, конечно, поддержит Троцкого, ибо (антипартийные элементы) получают здесь то, что им нужно: свободу своих фракций, освящение их, прикрытие их деятельности, адвокатскую защиту ее перед рабочими. И вот именно с точки зрения „принципиальных основ" мы не можем не признать этот блок *авантюризмом* в самом точном значении слова. Сказать, что он видит настоящих марксистов, действительных защитников принципиальности социал-демократизма (в меньшевиках), в отзовистах, Троцкий не *смеет*. В том и суть позиции авантюриста, что ему приходится перманентно увиливать... Блок Троцкого с Потресовым и впередовцами есть авантюра именно с точки зрения „принципиальных основ". Не менее верно это с точки зрения партийно-политических задач... Годичный опыт показал на деле, что именно группы Потресова, именно фракция впередовцев и воплощают это буржуазное влияние на пролетариат... Наконец, в-третьих, политика Троцкого есть авантюра в смысле *организационном*".

1911 г. Борьба за партию и ее идеи продолжается, Троцкий продолжает свою антипартийную политику, Ленин продолжает его характеристику. В июне 1911 г. Ленин пишет (собр. соч., т. XI, часть 2-я, стр. 322):

105841

„Все большевики должны сплотиться теперь теснее, укрепить свою фракцию, определить точнее и яснее партийную линию этой фракции,—собрать разрозненные силы и итти в бой за РСДР партию, очищенную от проводников буржуазного влияния на пролетариат“. И тут же добавляет:

„Люди, подобные Троцкому, с его надутыми фразами о РСДР партии и с его раболепством перед ликвидаторами, не имеющими ничего общего с РСДР партией, являются ныне „болезнью времени“. На деле это—проводники *капитуляции* перед ликвидаторами,—строителями столыпинской рабочей партии“.

Через пару месяцев в специальном обращении „Ко всем партийным организациям, группам и кружкам“ Ленин пишет:

„Отметим только еще одну *наиболее общую* черту в выступлениях группки Троцкого: в области тактических вопросов и внутрипартийных принципиальных разногласий Троцкий находит в своем арсенале оружие для борьбы *только с левым* крылом партии. Само собой разумеется, что подобная политика является водой на мельницу только голосовцев (меньшевиков) и оппортунистов всех других оттенков“. (Собр. соч. Ленина, т. XI, часть 2-я, стр. 335—338).

Троцкий продолжает свою политику, и Ленин продолжает его характеристику:

„Посредством фразы прикрываются действительные ликвидаторы и делаются всяческие попытки мешать работе антиликвидаторов (т.-е. большевиков)... Троцкий и подобные ему „троцкисты и соглашатели“ вреднее всякого ликвидатора, ибо *убежденные ликвидаторы прямо излагают свои взгляды, и рабочим легко разобрать их ошибочность, а г.г. Троцкие обманывают рабочих, прикрывают зло, делают невозможным разоблачение его и излечение от него.* Всякий, кто поддерживает группу Троцкого, поддерживает политику лжи и обмана рабочих, политику прикрывания ликвидаторства. Полная свобода действий для г. Потресова и К° в России, *прикрывание их дел „революционной“ фразой* за границей—вот суть политики „троцкизма“. (Собр. соч. Ленина, т. XI, часть 2-я, стр. 359—360).

Эта характеристика: прикрывание левыми, якобы революционными, фразами практической политики правых дел, это—для Ленина—общая, характерная, из года в год повторяющаяся, во всяком вопросе, на каждом повороте выступающая вперед черта троцкизма, как такового. И ее Ленин не устает подчеркивать и выяснять партии именно как основную, характерную, но и наиболее опасную для партии и рабочего движения черту троцкизма. Через несколько месяцев после сейчас приведенной характеристики Ленин пишет о Троцком:

„Бедный герой фразы не заметил мелочи: революционен только тот с.-д. (по-нынешнему коммунист), кто понял *вред* антиреволюционного якобы социал-демократизма в данной стране, в данное время, т.-е. вред ликвидаторства и отзовизма в России 1908—1911 годов, кто *умеет* бороться с подобными не с.-д. течениями“.

И еще через пару месяцев (декабрь 1911 г.):

„Троцкий называет себя партийцем на том основании, что для него русский партийный центр, созданный подавляющим большинством русских с.-д. организаций, есть ноль... Революционная фраза служит для того, чтобы прикрывать и оправдывать фальшь ликвидаторства, засоряя тем сознание рабочих... Задача Троцкого в том и состоит, чтобы прикрывать ликвидаторство, бросая песок в глаза рабочих... С Троцким нельзя спорить по существу, ибо у него нет никаких взглядов. Можно и должно спорить с убежденными ликвидаторами и отзовистами, а с человеком, который играет в прикрытие ошибок и тех и других, не спорят: его разоблачают, как... дипломата самой мелкой пробы“. (Собр. соч. Ленина, т. XI, ч. 2-я, стр. 446—448).

Нетрудно предвидеть, что найдутся люди, которые по поводу цитируемых мной документов партийной истории попытаются прибегнуть к самому легкому и вполне обывательскому объяснению: раздражение, острая схватка борьбы, случайные столкновения. Я, поэтому, и считаю своим мало-приятным, но обязательным долгом—раз уж тов. Троцкий заставил партию обратиться к истории отношений между большевизмом и троцкизмом,—про-

следить отзывы Ленина и характеристику Лениным отношений между партией и троцкизмом не в какой-нибудь год, не по поводу одного какого-нибудь вопроса, а систематически, на протяжении всех 15 лет, в которые партия знает троцкизм. Если определенное отношение к троцкизму проявляется у нашей партии не в какой-нибудь исключительный отдельный момент, не по отдельному данному вопросу, а проявляется систематически, в течение длинного ряда лет, на всех поворотах партийной истории, тогда даже самый умственно-ленивый, самый обывательски-настроенный человек, — и тот не может объяснить этого раздражением, случайностью, пристрастием или чем-либо подобным; даже самый ленивый человек должен будет подумать: если 15 лет Ленин изо дня в день учит партию, что такое троцкизм, если его характеристика оказывается правильной при всех поворотах истории — и тогда, когда революция идет вверх, и тогда, когда она падает глубоко вниз, и тогда, когда она опять подымается, — то здесь дело не в раздражении, не в индивидуальных вкусах, а в том, что троцкизм есть, видимо, какое-то течение, которое появляется систематически и в систематической борьбе с которым только и можно было закладывать основы большевизма, как теории и практики пролетарской коммунистической революции.

Тов. Троцкий не ограничивался проповедью тех взглядов, которые я характеризовал выше словами Ленина, только для русских рабочих. Известно положение большевиков в II Интернационале. Уже тогда большевики вообще, Ленин в частности, были одиозными фигурами для вождей II Интернационала. Уже тогда они чувствовали и в большевизме, и специально в Ленине какую-то новую силу, которая призвана их смести, и поэтому они охотно предоставляли органы печати II Интернационала для всякой клеветы, которой только было угодно выступить против большевиков и большевизма. В то же время Ленин за все время своей эмиграции, за все время революции и контр-революции не получил ни разу возможности с трибуны печатных органов II Интернационала обратиться к германским, французским

или английским рабочим и рассказать им правду о большевизме. Фактически II Интернационал держал нас под бойкотом, но зато он охотно давал слово всем противникам Ленина — Мартову, Дану и Троцкому, — которые могли без опасности для себя преподносить международному пролетариату любую ложь и любую клевету о большевиках, ибо они знали заранее, что Ленину слова для ответа дано не будет. Этой возможностью и пользовался Троцкий, чтобы излагать перед интернациональным рабочим движением приблизительно следующую „философию“ большевизма: „ленинцы — это кучка интеллигентов, которые под руководством не стесняющегося никакими средствами человека — Ленина — держат темными путями в своих руках движение русского пролетариата, который, благодаря своему невежеству и отсталости, верит большевикам; задача должна заключаться в том, чтобы освободить пролетариат России от засилия этой кучки и их лидера Ленина“. Вот то представление о большевизме, которое тов. Троцкий тогда внушал Интернационалу.

Так истолковывался им для европейских рабочих-социалистов исторический смысл внутрипартийной борьбы в России, смысл борьбы большевиков с меньшевиками. По поводу статей Мартова и Троцкого на эту тему, обращенных ими к Интернационалу, Ленин в 1911 г. писал:

„Мартов излагает взгляды меньшевизма, Троцкий плетется за меньшевиками, прикрываясь особенно звонкой фразой. Для Мартова „русский опыт“ сводится к тому, что „бланкитская и анархистская некультурность одержали победу над марксистской культурностью“ (читай: большевизм над меньшевизмом). „Русская социал-демократия говорила слишком усердно по-русски“ (т.-е. по-революционному. *Л. К.*), в отличие от *„общеевропейских“* (т.-е. парламентских. *Л. К.*) приемов тактики. У Троцкого „философия истории“ та же самая. На первый план выдвигается „сектантский дух, интеллигентский индивидуализм, идеологический фетишизм“. *„Борьба за влияние на политически незрелый пролетариат“*, — вот в чем суть дела“. Изложив эти взгляды, преподносимые тов. Троцким немецким рабочим, Ленин пишет:

„Теория, видящая в борьбе большевизма с меньшевизмом борьбу за влияние на незрелый пролетариат, не нова. Мы встречаем ее с 1905 года (если не с 1903 г.) в бесчисленных книгах, в брошюрах, статьях *либеральной печати*. Мартов и Троцкий преподносят немецким товарищам марксистски подкрашенные *либеральные взгляды*...

„Иллюзия“ думать, — заявляет Троцкий, — будто меньшевизм и большевизм „пустили глубокие корни в глубинах пролетариата“. Это — образчик тех звонких, но пустых фраз, на которые мастер наш Троцкий. Не в „глубинах пролетариата“, *а в экономическом содержании* русской революции лежат *корни* расхождения меньшевиков и большевиками. Игнорируя это содержание Мартов и Троцкий лишили себя возможности понять исторический смысл внутрипартийной борьбы в России... Говорить о борьбе направлений в русской революции, раздавая ярлыки: „сектанство“, „некультурность“ и т. п. (словечки Троцкого против большевиков, которыми он пугал немецких филистеров. *Л. К.*), и не говорить ни слова об основных экономических интересах пролетариата, либеральной буржуазии и демократического крестьянства, — значит опускаться до уровня вульгарных журналистов“.

Тов. Ленин разъясняет т. Троцкому:

„Мартов защищает воспитание крестьян (революционно боровшихся с дворянством) либералами (которые предавали крестьян дворянам). Это и есть подмена марксизма либерализмом. Это и есть марксистскими фразами прикрашенный либерализм... Борьба большевизма и меньшевизма *неразрывно* связана с этой историей, как борьба из-за поддержки либералов (со стороны меньшевиков), из-за свержения гегемонии либералов над крестьянством (со стороны большевиков). Поэтому, — втолковывает т. Ленин т. Троцкому, — объяснять наши расколы влиянием интеллигенции, незрелостью пролетариата и т. п. есть ребячески наивное *повторение либеральных сказок*“.

Как видим, Троцкий „шел к Ленину“, рассказывая международному пролетариату либеральные сказки про ленинизм!..

„Между нашим взглядом и взглядом Мартова лежит пропасть, и эта пропасть между взглядами „интеллигентов“ отражает только, вопреки Троцкому, пропасть, которая была на деле в конце 1905 г. *между классами*, именно между революционным борющимся пролетариатом и изменнически ведущей себя буржуазией“.

Вот чего не понял в большевизме Троцкий, на взгляд Ленина. Много ли он понял в нем в таком случае?

„Троцкий извращает большевизм, ибо Троцкий никогда не мог усвоить себе сколько-нибудь определенных взглядов на роль пролетариата в русской буржуазной революции“.

Охарактеризовав все изложение большевизма перед неосведомленными немецкими рабочими со стороны т. Троцкого, как „утонченное вероломство“, т. Ленин закончил свою характеристику такими словами:

„Троцкий был в 1903 году меньшевиком; отошел от меньшевизма в 1904 году, вернулся к меньшевикам в 1905 году, щеголяя лишь ультра-революционной фразой; в 1906 году опять отошел; в конце 1906 года защищал избирательное соглашение с кадетами (т.-е. фактически опять был с меньшевиками), а весной 1907 г. на лондонском съезде говорил, что его различие от Розы Люксембург есть „скорее различие индивидуальных оттенков, чем политических направлений“. Троцкий совершает плагиат сегодня из идейного багажа одной фракции, завтра — другой, и поэтому объявляет себя стоящим *выше* обеих фракций. Троцкий в теории *ни в чем* не согласен с ликвидаторами и отзовистами, а *на практике во всем* согласен с голосовцами и впередовцами (т.-е. проводниками буржуазного влияния на пролетариат. *Л. К.*). Мне приходится заявить, что Троцкий представляет лишь свою фракцию и пользуется некоторым доверием *исключительно* у отзовистов и ликвидаторов“. (Собр. соч., т. XI, ч. 2, стр. 292, 293, 296, 307—8).

1912 год. Это — год перелома. В январе большевики окончательно рвут остатки организационных связей с меньшевиками и на своей, большевистской конференции (в Праге) создают свой, чисто-большевистский ЦК,

исключают из партии ликвидаторов и провозглашают революционную программу действий. В апреле, после Ленского расстрела, бурной волной вновь, впервые после 1905 г., вздымается пролетарское движение. Оно целиком усваивает программу и тактику большевиков. Среди рабочих масс начинает расти и вскоре окончательно побеждает „большевистское поветрие“, по злобному выражению тогдашних меньшевиков. Воспрявшее рабочее движение систематически „снимает с постов“ тех ликвидаторов, которые успели захватить эти посты в контр-революционных потемках предшествующих лет. Это — начало революционного наступления — под лозунгами большевиков, под руководством большевиков — наступления, которое к середине 1914 г. приводит уже к баррикадным боям в Ленинграде.

Какова была позиция тов. Троцкого перед лицом этих решающих событий? Быть может, эта волна революционного подъема, этот новый рост рабочего движения увлек тов. Троцкого с той позиции агента меньшевизма, на которой он стоял в предшествующие годы упадка и разложения? Быть может, его архи-левая теория „перманетной революции“, лежавшая годами без употребления, теперь поможет ему разорвать пуповину, связывающую его с контрреволюционным меньшевизмом?

Нет! тов. Троцкий остается верен себе и... меньшевикам-ликвидаторам.

На организационное оформление и укрепление большевистской партии (январская конференция большевиков) он отвечает укреплением своего союза с меньшевиками для борьбы с большевиками. Его усилиями создается так наз. августовский блок, блок, союз, организационное объединение всех небольшевистских и противобольшевистских групп и группочек. Этот блок, — пишет Ленин, — „построен на беспринципности, лицемерии и пустой фразе“. „Основа этого блока ясна: ликвидаторы пользуются полной свободой вести попрежнему свою линию, *а тов. Троцкий прикрывает их революционной фразой*, которая ему ничего не стоит, а их ничем не связывает“. (Ленин. Собр. соч., т. XII, ч. 1, стр. 94, апрель 1912 г.). По поручению этого блока

тов. Троцкий усиленно грязнит большевиков, как руководителей начинающегося пролетарского подъема, перед Интернационалом. Эту его работу тов. Ленин характеризует, как „обман и введение в заблуждение немецких рабочих“. По поводу его статей, обращенных к немецким рабочим, тов. Ленин писал, что „они отдают таким букетом беспардонного хвастовства и фразистой лжи, что не допускают сомнения в том, что ликвидаторский заказ на эти статьи попал в опытные руки“ (Там же, стр. 93).

Но, быть может, тов. Троцкий был за одно с врагами большевиков только в их борьбе с большевистской *организацией*, может быть, в вопросах об оценке, задачах, целях, тактике поднимающегося пролетарского движения, в оценке задач, целей, тактики *новой революции* он отходил от контрреволюционных меньшевиков, служивших либералам? Послушаем опять Ленина:

„Троцкий, проклиная на все лады конференцию, уверял добряков, что „борьба за свободу коалиций“ является *основой* Ленских событий и их отголосков, что „это требование стоит и будет стоять в *центре* революционной мобилизации пролетариата“. Прошла какая-нибудь неделя, и эти жалкие фразы подголоска ликвидаторов были сметены, как пыль“.

„Только либеральные болтуны и либеральные рабочие политики, — продолжал Ленин, — могут ставить „в центре революционной мобилизации“ свободу коалиций“. Политике ликвидаторов и тов. Троцкого тов. Ленин тут же противопоставляет революционно-большевистскую политику питерского пролетариата: „Пролетариат Петербурга, — писал Ленин, — понял, что не во имя одного из прав (свободы коалиций *Л. К.)*, а во имя свободы всего народа должна быть начата новая революционная борьба. Пролетариат Петербурга понял... что надо бить в центр, нападать на источник зла, разрушать всю систему, весь строй царски-черносотенной России. Пролетариат Петербурга понял, что смешно и глупо предъявлять требование свободы коалиций... Нет ничего более лживого, как *либеральная* выдумка, повторяемая вслед за ликвидаторами Троцким, будто „борьба за свободу

коалиций является основой как ленской трагедии, так и ее могучего отголоска в стране". (Соб. соч., т XII, ч. 1-я, стр. 183, 185).

Разница в самом подходе к *основным* задачам второй (после 1905 г.) революции большевиков, с одной стороны, и меньшевиков и тов. Троцкого — с другой — совершенно ясна. Но Ленин еще и еще поясняет антиреволюционный подход Троцкого к этим основным задачам.

Троцкий тогда вслед за меньшевиком Аксельродом носился с идеей „европеизировать" борьбу русских рабочих, т.-е., как пояснял тот же Аксельрод: „коренным образом изменить характер партии, как он сложился в дореволюционную и дальше развился в революционную эпоху, и организовать ее на тех же началах, на каких зиждется партийный строй европейской социал-демократии". Троцкий плелся за Аксельродом. Он видел свое преимущество перед „некультурными", „варварскими", „сектантски-неистовыми" азиатами-большевиками и в том, что он, Троцкий, — „европеец" и борется „под тактическим знаменем европейской социал-демократии". Но что обозначало это противопостановление „европеизма" „европейской тактики" — большевизму? Только одно: отказ от непосредственно-революционных задач рабочего движения в царско-помещичьей России ради парламентской тактики европейских социалистов II Интернационала. „О пресловутой европеизации, — писал Ленин, — на все лады говорят и Дан, и Мартов, и Троцкий, и Левицкий, и все ликвидаторы. Здесь — один из главных гвоздей их оппортунизма". „Их оппортунизм в том, — пояснял Ленин, — что они хотят придать „европейский" парламентско-пропагандистский характер партии как раз тогда, когда перед ней стоят не европейские, а непосредственно-революционные боевые задачи, они хотят, таким образом, *обойти* задачи революции, подменить революционную тактику тактикой парламентской". В устах ликвидаторов и Троцкого — в период 1910 — 1914 г.г. — словечки об „европеизме", дополняемые словечками о „варварстве" большевиков, прикрывали *отказ* от революционных задач и революционной тактики пролетариата в России. Вот что писал

Ленин по поводу одного такого „европейского“ выступления тов. Троцкого:

„Это мечтание оппортунистического интеллигента, который в обход трудных не-европейских условий рабочего движения в России (Ильич эту статью писал для легальной „Звезды“, и потому употреблял легальные слова; читать следовало: в обход революционных задач рабочего движения в России) сочинил отменно хороший европейский план и по случаю сочинения такого плана хвастался на весь мир своим „европеизмом“. (Соб. соч., том XII, ч. 1-я, стр. 222—223, июль 1912 г.).

Эта тактика, сводившаяся фактически к проповеди перехода партии с революционных путей на путь тогдашних мирных европейских социалистов, проповедывалась как раз тогда, когда новая волна революционного подъема после ленского расстрела требовала именно революционного руководства. Быть может, кто-либо задаст себе вопрос: как же теория „перманентной революции“ не удержала т. Троцкого от подобной нереволюционной тактики, как мог он, придерживаясь этой архи-левой теории в явно-революционной обстановке 1912—14 г.г., проповедывать—рядом с меньшевиками—подобную антиреволюционную тактику?

Но тот, кто задал бы подобный вопрос, лишь доказал бы, что он и теперь еще не усвоил ленинской характеристики троцкизма: „прикрывание левой (несуразно-левой, архи-звонкой,—писал Ленин) фразой правой политики“.

„Взгляните на платформу ликвидаторов“,— разъяснял наивным людям тов. Ленин еще в 1913 г.—„ее ликвидаторская суть искусно прикрыта революционными фразами Троцкого. Наивных и совсем неопытных людей это прикрытие может иногда ослепить... Но самое небольшое внимание рассеет такой самообман“.

Мы подошли *к 1914 году*. Революционное движение пролетариата идет все вперед, волны революционного прибоя бьют все выше. Позиция Троцкого в основных вопросах революции и тактики пролетарского движения остается все той же. Вот что пишет тов. Ленин в 1914-м году:

„Никогда еще ни по одному серьезному вопросу марксизма Троцкий не имел прочных мнений, всегда „пролезая в щель“ тех или иных разногласий и перебегая от одной стороны к другой“. (Ленин. Соб. соч., т. XII, ч. 2-я, стр. 536—537).

„У ликвидаторов есть своя физиономия, либеральная, а не марксистская. Всякий, знакомый с писаниями Ф. Дана, Л. Мартова, Потресова и К°, знает эту физиономию. У Троцкого же никогда, никакой „физиономии“ не было и нет, а есть только перелеты, переметывание от либералов к марксистам и обратно, обрывки словечек и звонких фраз, надерганных отсюда и оттуда... На деле, под прикрытием особенно звонких, пустых и туманных фраз, Троцкий проводит, запутывая несознательных рабочих, защиту ликвидаторов своим замалчиванием вопроса о подполье (т.-е. о революционной организации и политике рабочего класса. *Л. К.)*, уверениями, что у нас нет либеральной рабочей политики (т.-е. стремления меньшевиков подчинить рабочее движение кадетам. *Л. К.*) и т. д. К семерке депутатов с Чхеидзе во главе Троцкий обращается со специальными, длинными поучениями о том, как *похитрее* надо проводить отрицание подполья и партии“ (Ленин, т. XII, ч. 2-я стр. 410—413).

Наступили переломные месяцы 1914 года. Рабочее движение переходило от массовых политических и экономических стачек к вооруженным демонстрациям, которые были прерваны только военной мобилизацией. В июле рабочий класс Петербурга был уже на баррикадах. Надо было подводить итоги, надо было предупредить рабочий класс, какие политические течения и фигуры выйдут перед ним из подполья, из заграничной эмиграции для того, чтобы руководить его дальнейшим движением. Ленин пишет итоговую статью и печатает ее в мае 1914 года в большевистском журнале „Просвещение“. Он подводит итог 10-летней борьбе большевизма с троцкизмом, борьбе, которую мы пересмотрели на различных ее стадиях:

„Старые участники марксистского движения в России хорошо знают фигуру Троцкого, и для них не стоит говорить о ней. Но молодое рабочее поколение не знает

ее, и говорить приходится, ибо это типичная фигура... Во времена старой „Искры“ (1901 — 1903) для этих колеблющихся и перебегающих от „экономистов“ к „искровцам“ и обратно была кличка: „тушинский перелет“ (так звали в смутное время на Руси воинов, перебегавших от одного лагеря к другому).

„Когда мы говорим о ликвидаторстве, мы устанавливаем известное идейное течение, годами выраставшее, связанное корнями с „меньшевизмом“ и „экономизмом“ в 20-летней истории марксизма, связанной с политикой и идеологией определенного класса, либеральной буржуазии“.

„Тушинские перелеты“ объявляют себя выше фракций на том единственном основании, что они „заимствуют“ идеи сегодня одной, завтра другой фракции. Троцкий был ярым „искровцем“ в 1901 — 1903 г.г., и Рязанов назвал его роль на съезде 1903 года ролью „ленинской дубинки“. В конце 1903 г. тов. Троцкий — ярый меньшевик, т.-е. от „искровцев“ перебежавший к „экономистам“: он провозглашает, что „между старой и новой „Искрой“ лежит пропасть“. В 1904 — 1905 годах он отходит от меньшевиков и занимает колеблющееся положение, то сотрудничая с Мартыновым („экономистом“), то провозглашая несуразно-левую „перманентную революцию“. В 1906 — 1907 году он подходит к большевикам и весной 1907 года заявляет себя солидарным с Розой Люксембург.

„В эпоху распада, после долгих „нефракционных“ колебаний, он опять идет вправо и в августе 1912 года входит в блок с ликвидаторами. Теперь опять отходит от них, повторяя, однако, по *сути дела*, их же идейки“.

„Такие типы характерны, как обломки вчерашних исторических образований и формаций, когда массовое рабочее движение в России еще спало“.

„Надо, чтобы молодое рабочее поколение хорошо знало, с кем оно имеет дело, когда с невероятными претензиями выступают люди, не желающие абсолютно считаться ни с партийными решениями... ни с опытом современного рабочего движения в России“... (Ленин, Собр. соч., т. XII, ч. 2, стр. 462).

Вот что, как итог большевистской десятилетней борьбы не только с меньшевизмом, но и с троцкизмом, считал необходимым сказать Ленин молодому поколению рабочих накануне нового подъема революционного движения рабочего класса.

Не подумайте, что здесь подобраны специально те места из работ Ленина, где Ленин порезче высказывался о тов. Троцком, — это было бы недостойно. Нет, я взял все то, что есть у Ленина о тов. Троцком, все не в том смысле, что взял все цитаты, — количество цитат можно было бы увеличить в десяток раз, но в том смысле, что эти слова характеризуют полностью то, что т. Ленин считал необходимым сказать о тов. Троцком русским рабочим до 1914 г. Каждый понимает, что если эти характеристики делаются из года в год, не по поводу той или другой ошибки, а по поводу общей линии тов. Троцкого, то они делаются не из каких-либо посторонних соображений, а только потому, что тов. Ленин видел в этой фигуре воплощение такой струи, такой политической тенденции, которая была вредна для дела большевизма. Поэтому и только поэтому Ленин считал необходимым предостерегать партию против троцкизма.

В дни войны.

Наступила война, которую Ильич правильно назвал всемирно-историческим событием в жизни человечества и величайшим испытанием для международного социализма, которое выявило непроходимую пропасть между оппортунистами и революционными коммунистами. Наступил момент, когда каждый должен был выбрать свою позицию. Наступил момент, когда раз навсегда должны были быть покончены всякие колебания, и когда то, что Ленин назвал мелкой дипломатией, перебеганием из одного лагеря в другой, должно было кончится.

Так ли это было? Заставила ли война тов. Троцкого раз навсегда порвать с оппортунизмом, порвать с поддержкой правых, отказаться от той роли защитника и прикрывателя меньшевиков, которую десять лет разоблачал тов. Ленин?

С того времени, когда тов. Троцкий вступил в нашу партию и стал верой и правдой служить ей и этим вписал славную страницу и в свою биографию, и в историю партии, мы не считали возможным останавливаться на этих вопросах. И это было правильно. Но, когда он вступает на путь фальсификации истории и идей большевизма, когда он пытается экспроприировать идейный багаж партии, когда он тщится подменить ленинизм троцкизмом в качестве идеологии русского и международного пролетариата, тогда он сам заставляет нас поставить эти вопросы.

Что же, развела ли война тов. Троцкого с оппортунистами? Была ли прекращена перед грандиозностью событий политика мелкой дипломатии? Увы! Нет. Так же, как в 1905 г. он сумел сочетать архиреволюционную, „несуразно-левую" фразу с сотрудничеством с меньшевиками, так и в эпоху войны тов. Троцкий сумел сочетать свой интернационализм с поддержкой оппортунизма.

Уже летом *1915 г.* тов. Ленин пишет:

„Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству. Это — аксиома. И оспаривают ее только сознательные сторонники или беспомощные прислужники социал-шовинистов... К числу вторых принадлежит — Троцкий"... Приведя возражения тов. Троцкого против взглядов большевиков [1]), тов. Ленин продолжает: „Вот образец надутых фраз, какими Троцкий всегда оправдывает оппортунизм... Если бы Троцкий подумал, то увидел бы, что он стоит на точке зрения войны правительств и буржуазии, т.-е. он раболепствует перед „политической методологией социал-патриотизма", говоря вычурным языком Троцкого. „Троцкий, — говорит тогда же Ленин, — который как и всегда, ни в чем принципиально не согласен с социал-шовинистами, но *во всем практическом* согласен с ними". Тогда же: „Троцкий, так же отвергая эту идею, равным образом отстаивает единство с оппортунистической и шовинистической группой „Нашей Зари",

---

[1]) Этих „возражений" читатель не найдет, однако, в сборнике статей Троцкого „Война и Революция" по той причине, что они там Троцким *выпущены*.

т.-е. меньшевиков... Все это — проявление того зла, которое голландские марксисты назвали „пассивным радикализмом“ и которое сводится к замене революционного марксизма эклектизмом в теории и к раболепству или бессилию перед оппортунизмом на практике“. Тогда же: „(такие-то) и Троцкий, по-моему, — вреднейшие „каутскианцы“ в то смысле, что все в разных формах за единство с оппортунистами, все в разных формах прикрашивают оппортунизм, все проводят (по разному) эклектизм вместо революционного марксизма“. Тогда же: „Мартов и Троцкий желают совместить платоническую защиту интернационализма с безусловным требованием единства с „Нашей Зарей“, О. К. (Центральный Комитет меньшевиков) или фракцией Чхеидзе“.

Конец 1915 года: „Троцкий на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под отрицанием роли крестьянства понимают нежелание поднимать крестьян на революцию“. (Конец 1915 г.).

Тогда же: „Чхеидзе и К° явно виляют. Они — верные друзья „Нашего Дела“ (орган оборонцев). Ими доволен Алексинский, и они же „играют“ в левизну при помощи Троцкого... Думаю, сознательных правдистов (большевиков) не проведут“.

Тогда же: „Троцкий и К° заграничных лакеев оппортунизма напрягают все усилия, чтобы „замазать“ разногласия и спасти оппортунизм „Нашей Зари“ при посредстве обеления и превознесения фракции Чхеидзе“.

Начало 1916 гоба: „Бессильные дипломаты или „болото“, вроде Каутского в Германии, Лонгэ во Франции, Мартова и Троцкого в России, приносят величайший вред рабочему движению, отстаивая *фикцию* единства и этим мешая назревшему, насущному объединению оппозиции всех стран, созданию III интернационала“.

Март 1916 г.: „А Троцкий? Он горой за самоопределение, но у него это пустая фраза, ибо он не требует отделения наций, угнетенных „отечеством“ данного национального социалиста; он молчит о лицемерии Каутского и каутскианцев“.

Октябрь 1916 г. — 12 месяцев до нашего Октября: „Каковы бы ни были субъективные „благие“ намерения Троцкого и Мартова (они—для Ленина—все еще едины суть!), объективно они своей уклончивостью поддерживают русский социал-империализм“.

Декабрь 1916 г.: „Гобсон превосходно подошел еще в 1902 г. к вопросу и о значении „Соединенных Штатов Европы“ (к сведению каутскианца Троцкого!), и всего того, что затушевывают лицемерные каутскианцы разных стран, а именно: что оппортунисты (социал-шовинисты) работают вместе с империалистической буржуазией как раз в направлении создания империалистической Европы на плечах Азии и Африки... На эту экономическую, наиболее глубокую, связь именно империалистической буржуазии с победившим ныне (на долго ли?) рабочее движение оппортунизмом, мы указывали неоднократно не только в статьях, но и в резолюциях нашей партии. Отсюда выводили мы, между прочим, неизбежность раскола с социал-шовинизмом. Наши каутскианцы предпочитали обходить вопрос“.

17 февраля 1917 г. (февраль 1917 г. года!): „Троцкий — левые фразы и блок с правыми против цели левых!!.“ Еще через месяц и через две недели после февральской революции, 17 марта 1917 года: „По-моему главное теперь—не дать себя запутать в глупые „объединительные“ попытки с социал-патриотами или, еще опаснее, с колеблющимися, вроде организационного комитета (меньшевиков), Троцкого и $К^0$ и продолжать работу *своей* партии в последовательно-интернациональном духе“.

К этому следует, пожалуй, добавить только одно. За весь этот период тов. Троцкий был решительным противником „циммервальдской левой“, во главе которой стоял тов. Ленин, и которая являлась именно тем зерном, из которого развился III Интернационал. III Интернационал родился не только в борьбе с Шейдеманами и Вандервельдами, он родился и окреп в борьбе с циммервальдским „центром“, с Каутским и Троцким. Практическая политика этого „центра“ сводилась к тому, чтобы *не* рвать окончательно со II Интернационалом,

не основывать III Интернационала, чего добивался Ленин во главе „циммервальдской левой“.

Вот политическая линия тов. Троцкого, охарактеризованная словами тов. Ленина, на протяжении почти двух десятков лет. Тов. Ленин не изменяет своей характеристики и своего отношения к линии тов. Троцкого ни в момент величайшего подъема революции, ни в момент ее глубочайшего падения. „Тушинский перелет“, „левые фразы и блок с правыми против целей левых“, реальная служба экономизму, меньшевизму, ликвидаторству, каутскианству, в их борьбе против большевизма под прикрытием особенно звонкой левой фразы, — вот общий итог этой характеристики — не личности тов. Троцкого, а „троцкизма“, как течения.

Ни один ленинец, всерьез приемлющий это имя, не допустит и мысли о том, что это систематическое — на протяжении десятков лет — разоблачение тов. Лениным позиции тов. Троцкого могло быть вызвано какими-либо индивидуальными причинами. Систематическая, страстная борьба тов. Ленина против троцкизма подсказывалась тем, что тов. Ленин видел в троцкизме определенное течение, враждебное идеологии и организации большевистской партии, течение, на практике служившее меньшевизму. Эта борьба против троцкизма не была случайным элементом на том или другом повороте истории, при том или другом событии, она была неизбежной составной частью выковывания подлинной пролетарской партии и подлинной пролетарской идеологии. С меньшевизмом бороться сравнительно легко, — как бы говорил тов. Ленин, — потому что его антипролетарский облик, откровенный, до конца идущий, не прячущий своей либеральной сущности, становится через маленький опыт понятным каждому рабочему, и рабочий его отвергает. Нужно бороться с наиболее прикрытыми формами меньшевизма, с теми формами, которые прикрывают оппортунистическую политику левой, революционной фразой, с той формой меньшевизма, которая приспособляет меньшевизм к революционному настроению масс. Врагом является не только тот, кто с открытым забралом борется против большевизма, но

также и те группки, которые прикрывают борьбу этих откровенных врагов революционными фразами, и, пользуясь доверием к этим фразам, облегчают дело врагов партии.

Ленин лишь формулировал то отношение к троцкизму, которое характеризовало всю большевистскую партию в целом, хотя — в особенно трудные моменты жизни партии — тов. Троцкому иногда удавалось пленить своей фразой и своей „мелкой дипломатией“, правда, всегда на очень короткий срок, отдельных большевиков.

Вот именно этот последний факт особенно рельефно подчеркивает те обстоятельства, которые из „троцкизма“, как из исторического явления, делали препятствие в строительстве большевистской партии, как идейного руководителя и организатора пролетарского движения. Троцкизм был всегда наиболее благовидной, наиболее прикрытой, наиболее приспособленной к обману именно революционно-настроенной части рабочих *формой меньшевизма*. Там и тогда, где и когда меньшевизм в его оголенной форме, в его либердановской форме, оказывался уже явно неприемлемым, там и тогда мог еще пользоваться некоторым политическим кредитом троцкизм. Так было в 1905 г., так было в 1912 — 14 гг., так было и в эпоху войны. Во все эти моменты гибкая фраза тов. Троцкого прикрывала и спасала обанкротившийся меньшевизм. В мелкобуржуазной стране, где еще недавно чуть ли не каждый интеллигент почитал себя „марксистом“, где рабочий класс испытывает на себе громаднейшее влияние мелкобуржуазной стихии,—программа и тактика коммунистической партии могла быть выработана только в систематической, ожесточенной, непримиримой борьбе со всеми формами буржуазного влияния на пролетариат. Наиболее опасными формами этого влияния являлись, естественно, именно те, которые наиболее „тонко“, наиболее „дипломатично“, наиболее беспринципно маскировали, прикрывали свою антикоммунистическую сущность, которым ничего не стоило в любой момент прикрыть свои „правые дела“ особой „левой фразой“. Воплощением этого типа антибольшевистских влияний и был троцкизм. Когда ход

классовой борьбы вышибал из сознания пролетария всякое доверие к Дану, Дан оставлял за собой свою тень: этой тенью был Троцкий. Вот почему во все времена партийной истории троцкизм с его „левой фразой“, прикрывавшей „правые дела“, с его беспринципной проповедью примирения большевизма и меньшевизма, с его критикой ленинской „грубости“, „варварства“, „прямолинейности“, „догматизма“ и „сектантства“ — всегда очаровывал околопартийную и внутрипартийную интеллигенцию.

Вот почему тов. Ленин на протяжении десятков лет считал троцкизм опаснейшим препятствием для построения большевистской партии, вот почему он не уставал разоблачать троцкизм и предостерегать от него партию. Вот почему борьба с троцкизмом, как борьба с меньшивизмом, входит в самое понятие большевизма. Без понимания опасностей троцкизма — нет большевизма.

ТОВ. ТРОЦКИЙ ВСТУПАЕТ В ПАРТИЮ.

Описанные выше отношения между большевизмом и троцкизмом сам тов. Троцкий предпочитает характеризовать словами: „Я шел к Ленину с боями“. Сказано это не только кокетливо, но и красиво. Тов. Троцкий — мастер на красивые фразы. Партия, ЦК, Ленин всегда знали это достоинство тов. Троцкого и не раз — с пользой для партии — поручали ему устные и письменные выступления, в которых требовалась особая красота фразы. К сожалению, вопрос, затронутый тов Троцким в вышеприведенных словах, слишком серьезен, чтобы удовлетвориться красивой фразой.

Во-первых, эта фраза неверна, во-вторых, она рассчитана на то, чтобы—очаровав читателя красотой—скрыть истинную мысль Троцкого. Чтобы сказать правду в ее непрекрашенной форме, нужно выразиться так: эта красивая фраза лицемерна.

Действительно. Правда ли, что всю ту историю, которую мы с вами рассмотрели с 1903 года вплоть до февральских дней, можно охарактеризовать словами Троцкого: „Я шел к Ленину с боями“. Троцкий, видимо,

очень доволен историей своих отношений с большевизмом; по крайней мере, в своей книжке „Новый курс“, всего только несколько месяцев назад, он писал: „Я вовсе не считаю тот путь, которым я шел к ленинизму, менее надежным и прочным, чем другие пути“. Это очень утешительно для Троцкого. Но может ли партия, не изменяя себе, считать надежным и прочным тот путь Троцкого к нашей партии, который мы только что с вами под руководством Ленина просмотрели. Если этот путь есть действительно „путь к Ленину“, то, следуя словам тов. Троцкого, каждый бывший меньшевик, каждый бывший с.-р., которых немало в нашей партии, может сказать: „я, собственно не был меньшевиком, или эсером, я просто шел к большевикам „с боями“.

Во всяком случае ясно одно: партия не может никому рекомендовать тот путь к большевизму, которым пришел Троцкий; она, во-вторых, не может этого пути считать ни „надежным“, ни прочным“.

Неужели же в партии, кроме тов. Троцкого, найдется хоть один человек, который полагает, что 15-летняя попытка дискредитировать идейные организационные основы большевизма, что 15-летний, временами прикрытый, временами открытый блок со злейшими врагами партии есть „прочный и надежный“ путь к Ленину? Товарищи, которые вступали в нашу партию из рядов других партий, обычно заявляли, что они ошибались, что, по-своему понимая интересы рабочего класса и по-своему служа им, они ныне убедились, что их путь неправильный, что они признают большевистскую идеологию и отказываются от прежних заблуждений. Партия не требовала подобного признания у Троцкого и, конечно, поступала правильно: Троцкий сдал экзамен и сдал его превосходно. Но это отнюдь не значит, что партия может разрешить Троцкому его 15-летнюю борьбу против большевиков и Ленина именовать прочным и надежным путем к ленинизму, не может примириться с тем, что блестящими и эффектными фразами прикрываются искажения партийной истории.

Но эта фраза не только неверно описывает то, что было до вхождения Троцкого в партию. Она неверно

описывает и тот идейный багаж, с которым Троцкий вошел в партию, она неискренна, ибо скрывает то, что подлинно думает Троцкий. Притти к Ленину, хотя бы с боями, не значит ли отказаться от своих заблуждений, от того, что считал ошибкой Ленин и признать ленинскую правду во всех основных вопросах революции? Я утверждаю, что Троцкий понимает свой приход к Ленину наоборот, что он не думает, что большевизм оказался более прав, чем троцкизм. Троцкий вступил в партию с убеждением, что не он должен учиться большевизму у партии, а он должен учить партию троцкизму, подправлять ленинизм троцкизмом. В книге Троцкого „Война и Революция“ значится: [1]).

„Были три пункта, где „Наше Слово“ (газета Троцкого) — и после того, как оно окончательно перешло в руки левого крыла редакции, — не сходилось с „Социал-Демократом“ (органом ЦК большевиков, руководимым Лениным и Зиновьевым. — *Л. К.*). Эти пункты касались пораженчества, борьбы за мир и характера грядущей русской революции. „Наше Слово“ отвергало пораженчество (которое Ленин с самого начала войны считал основным признаком подлинного революционного интернационализма. — *Л. К.*). „Социал-Демократ“ отвергал лозунг борьбы за мир... противопоставляя ему гражданскую войну (которую отвергал Троцкий. — *Л. К.*). Наконец, „Наше Слово“ стояло на той точке зрения, что задачей нашей партии должно быть завоевание власти во имя социалистического переворота. „Социал-Демократ“ продолжал оставаться на позиции демокра-

---

[1]) Т. I, стр. 27. Эта книга есть сборник статей Троцкого за эпоху войны, по поводу которой я выше привел отзывы т. Ленина. Очень жаль, что редактор сочинений тов. Троцкого, собравший в примечаниях к „1917 году“ все то, что говорили о выступлениях тов. Троцкого Сухановы, „Новая Жизнь“ и др., не приложил к этому сборнику статей, на которых тов. Троцкий хочет учить партию, отзывы тов. Ленина. Может быть, это было бы лучше в целях воспитания той молодежи, к которой обращаются эти книги. Ведь книга Троцкого о войне и революции не может быть воспринята в нашей партии, особенно молодыми членами партии, в частности учащейся частью нашей партии, иначе как изложение взглядов коммунизма. Поскольку же наша партия не говорит, что это не так, что это не ленинизм, что по этой книжке учиться коммунизму нельзя, поскольку Троцкий сам не побеспокоился приложить к ней отзывы тов. Ленина, — постольку она может быть воспринята как учебник. А мы все должны немножечко позаботиться о тех, кто придет завтра к нам на смену.

тической диктатуры пролетариата и крестьянства". Несколькими строками выше этого немаловажного признания Троцкий сообщает, что „разногласия между „Социал-Демократом" и „Нашим Словом", казавшиеся вначале очень значительными, уменьшились"... В редакции „Нашего Слова" рядом с Троцким был Мартов, затем, под влиянием беспощадной критики со стороны Ленина и роста революционных коммунистических элементов, Мартов вышел из редакции. В редакции „Нашего Слова" остался Троцкий. И вот уже после этого, после того, как разногласия „уменьшились", когда газета окончательно перешла в руки левого крыла редакции, т.-е. в руки Троцкого, остались именно эти три разногласия: по вопросу о пораженчестве, по вопросу о гражданской войне и мире и по вопросу о характере грядущей русской революции.

Вот описание разногласий, разделявших большевиков и Троцкого накануне революции 1917-го года, данное самим Троцким; разногласия, как видит всякий, не какие-либо второстепенные, не чисто теоретические или узко-организационные. Нет, сам Троцкий должен признать, что его разногласия с большевиками накануне революции обнимали основные, коренные, решающие вопросы. Если, по словам Троцкого, разногласия „уменьшились", касались вопросов о пораженчестве, гражданской войне и характере русской революции, то интересно было бы узнать, в чем же собственно Троцкий сходился с Лениным.

Ленин был за поражение „своей" буржуазии в империалистической войне,—Троцкий против!

Ленин был за гражданскую войну,—Троцкий против!

Ленин был за демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства,—Троцкий против! (усиленно пугая—по выражению Ленина—в этом вопросе при помощи левой фразы о перманентной революции).

Здесь, в этом последнем пункте, Троцкий кажется левее Ленина. Каким образом это происходит? Будучи в вопросах конкретных, которые стояли тогда на очереди дня, в вопросе *за* поражение или *против* поражения своей буржуазии в войне, *за* призыв к гражданской

войне или *против* призыва к гражданской войне, фактически на точке зрения меньшевиков—или, в лучшем случае, центра,—он в вопросе о ходе грядущей революции кажется гораздо левее Ленина, не удовлетворяется диктатурой пролетариата и крестьянства, и требует обязательно перманентной революции. В чем тут дело? Да в том же самом, о чем все время, в продолжение десяти лет, твердил нам тов. Ленин, когда соприкасался с вопросами троцкизма: правая политика сегодняшнего дня, прикрытая несуразно левой фразой. Итак, вот позиция Троцкого накануне революции, охарактеризованная его собственными словами. К этим трем разногласиям, впрочем, следует прибавить упущенное Троцким разногласие по вопросу о II и III Интернационалах. Ленин во главе циммервальдской левой был за немедленный разрыв с II Интернационалом и с Каутским и за создание таким путем III Интернационала. Троцкий в рядах каутскианского центра был против этого.

Но всего только через несколько месяцев после того, как четко и ясно были констатированы эти разногласия, Троцкий примкнул к большевистской партии. Что же при этом стало с разногласиями Троцкого с Лениным? В данной статье Троцкий ограничивается кокетливо-жеманным умолчанием: „Мартовская резолюция,—пишет он,—ликвидировала эти разногласия“. Все?—Все! Но как?—Троцкий кокетливо молчит! Но все-таки как же были ликвидированы эти немаловажные разногласия? Партия имеет право поставить этот вопрос, раз сам тов. Троцкий заставил ее заняться своей историей. Следует ли понимать его заявление о том, что революция ликвидировала разногласия между Троцким и большевизмом в том смысле, что Троцкий, убедившись, что его позиция во всех этих немаловажных пунктах неправильна, перешел на точку зрения большевиков? Так сделал один из виднейших теоретиков меньшевизма тов. Мартынов, сказавший: „Я 30 лет по-своему служил рабочему классу, теперь вижу, что путь мой был неправилен. История подтвердила правильность взглядов тов. Ленина на русскую революцию, и я к ним присоединяюсь“. Такого ответа тов. Троцкий партии не дал.

Троцкий о себе и о ленинизме.

Однако, ответ у него есть. В своей книге „1905“ (стр. 4 — 5) Троцкий пишет: „В промежуток между 9 января и октябрьской стачкой 1905 г. сложились у автора (т.-е. у Троцкого) те взгляды на характер революционного развития России, которые получили название теории „перманентной революции“... *Хотя и с перерывом в 12 лет, эта оценка подтвердилась целиком*“. (Написано в 1922 г.!—*Л. К.*). Такова, на взгляд Троцкого, счастливая судьба его, Троцкого, теории.

Но этой теории противостояла в течение всех этих 12 лет другая теория,—теория Ленина, нашедшая свое выражение в формуле: „Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства“. „Эту мысль,— пишет в 1908 и повторяет без оговорок в 1922 году тов. Троцкий,—Ленин неутомимо повторяет, начиная с 1904 г. Но от этого она не становится правильнее“.

Троцкий свидетельствует, что через 12 лет после ее зарождения, т.-е. в революцию 1917 г., его теория „оправдалась целиком“. Как же быть с теорией Ленина? Она, значит, не оправдалась? Не могли две теории, которые десяток лет друг другу противостояли, по поводу одной из которых Ленин утверждал, что это не теория русской революции, а революционная фраза, прикрывающая мешанину из меньшевизма и большевизма, оправдаться одновременно. Если теория Троцкого и оправдалась, то, значит, с ленинской теорией, под знаменем которой он 12 лет собирал партию, случилась какая-то беда. Так и есть,—беда действительно случилась. Мы узнаем это от Троцкого. В той же книге („1905“) Троцкий, характеризуя основную идею Ленина, как голую абстракцию, пишет, что большевики „приходят к идее буржуазно-демократического самоограничения пролетариата, в руках которого находится государственная власть“. „Правда,—продолжает Троцкий,— разница между ними (меньшевиками и большевиками) в этом вопросе весьма значительная: в то время как антиреволюционные стороны меньшевизма сказываются

во всей силе уже теперь, *антиреволюционные черты большевизма* (подчеркнуто ради важности этого сообщения мною.— *Л. К.*) грозят огромной опасностью только в случае революционной победы". Даже оказывается, что „большевики (как и меньшевики) пугаются последствий классовой борьбы".

Итак, мы узнаем здесь сразу несколько чрезвычайно любопытных вещей. Во-первых, оказывается, что ленинская теория русской революции продиктована испугом перед последствиями классовой борьбы пролетариата. Это уже недурно и прекрасно подтверждает, как много понял Троцкий в большевизме. А во-вторых, — и это наиболее существенно, — мы узнаем, что у большевизма как и у меньшевизма, есть антиреволюционные черты, и что эти антиреволюционные черты большевизма особенно опасны в случае революционной победы. Ясно, что с теорией, которая имеет в себе антиреволюционные черты, особенно опасные тем, что они сказываются в случае революционной победы, нельзя вести пролетариат в бой, хотя бы с некоторой надеждой на победу.

Перепечатывая *и подтверждая* в 1922 г. эту характеристику большевизма, Троцкий снабдил фразу об опасностях антиреволюционных черт у большевизма примечанием: „Этого, как известно, не случилось, так как под руководством тов. Ленина большевизм совершил... свое идейное перевооружение в этом важнейшем вопросе весною 1917 г., т.-е. до завоевания власти". (Л. Троцкий, „1905", стр. 285).

Теперь мысль Троцкого ясна. Взгляды Ленина и большевистской партии на характер революции, как они развивались им с 1904 г. до весны 1917 г., не только неверны, но и контр-революционны по отношению к социалистической революции.

Взгляды Троцкого на тот же вопрос „подтвердились целиком". В виду этого Ленин и большевизм весной 1917 г., до завоевания власти и *для завоевания власти*, должны были „перевооружаться", т.-е. заменить контрреволюционное оружие большевизма подлинно-революционным оружием, заготовленным уже за 12 лет до того

Троцким. В этом смысле „революция ликвидировала разногласия“.

После этого Троцкий вступил в партию большевиков.

„Я пришел к Ленину потому, что Ленин привел партию ко мне“, — вот что лежит в основе всего построения Троцкого, вот на что он намекает, вот к чему он хочет подвести доверяющего ему читателя. Эффектная фраза „я пришел к Ленину с боями“ — лицемерна потому, что Троцкий убежден, что на деле, в области основных вопросов революции, *Ленин пришел к Троцкому* в 1917 г., после того как полтора десятка лет строил партию на идеях „антиреволюционных“.

Во всей своей идейной борьбе с большевизмом и Лениным до 1917 г. прав оказался Троцкий — вот содержание всех последних книг Троцкого („1905“ и „1917“). Ленин прав лишь с весны 1917 г., и прав лишь постольку и потому, поскольку он отбросил оружие *своей* теории и вооружился теорией Троцкого.

Не правда ли, теперь картина совершенно ясна? 12 лет назад Троцкий выставил теорию перманентной революции. Эта теория в 1917 году подтвердилась, по его свидетельству, целиком. Теория же Ленина, на которой основывалась и собиралась партия в течение десятков лет, обладала антиреволюционными чертами, и поэтому раньше, чем итти в бой, и *для того, чтобы победить*, надо было большевизму перевооружиться. Каким образом? Да, ясное дело, — откинуть оружие большевизма с его антиреволюционными чертами и взять новое оружие, которое стояло бы на уровне тех задач, которые развернулись перед пролетариатом. Старое оружие, — оружие большевистской идеологии, оказывается, октябрьские задачи разрешить не могло. Надо было перевооружиться и, конечно, за новым оружием надо было обратиться в тот арсенал, в котором это оружие заранее, за 12 лет, было подготовлено, — и без единой антиреволюционной червоточинки: надо было обратиться к оружию тов. Троцкого. Вот подлинная мысль тов. Троцкого, вот *история нашей партии по-Троцкому*. Теория Ленина, которая с самого начала обладала антиреволюционными чертами, крахнула, как только

пролетариат вступил в настоящий бой. Она должна была быть отброшена, должна была быть заменена. Большевизм оказался способным организовать пролетариат, вести его к Октябрю, одержать октябрьскую победу, только потому, что он *во-время* отбросил большевистское оружие и позаимствовал оружие у тов. Троцкого.

Если это так,—это надо сказать открыто. Если в большевизме есть антиреволюционные черты, если перед решительным боем надо это оружие менять,—то какое же право имеем мы учить наш пролетариат и пролетариат всего мира большевизму без поправок? Почему нигде, ни в одном нашем учебнике, мы не говорим пролетариату и нашей страны, и всего мира: товарищи, мы учим вас большевизму, но помните, в большевизме есть антиреволюционные черты; когда настанут бои, тогда с оружием большевизма вам не сдобровать,—вам надо тогда это оружие заменить другим, надо заменить его троцкизмом. Если это так, то мы не имеем права, хотя бы из уважения к Ленину, идейно вооружать пролетариат таким оружием, которое придется бросить перед боем. Отдельный писатель может жертвовать исторической истинной, действительной ролью Ленина, идейным багажом нашей партии, накопленным борьбой всего рабочего класса; он может всем этим пренебречь для того, чтобы сказать: когда дошло до боя, партии пришлось брать оружие у меня, а свое оружие отбросить; но партия не может быть бесчестна, она должна учить пролетариат или ленинизму, или троцкизму, или должна сказать: „надо подправить ленинизм троцкизмом". Но она не может учить ленинизму—всему, целиком, без поправок, как теории и практике мировой революции, и одновременно намекать, что теория и практика пролетарской революции в действительности уходит своими корнями не в ленинизм, а в идеи, зародившиеся у Троцкого „между 9 января и октябрьской стачкой 1905 г." (Какое внимание к датировке рождения собственных идей! Какое внимание к своим собственным биографам!)

Или мы учим большевизму, ленинизму, полностью, целиком, без поправок, как подлинной теории про-

летарской революции, или, если кто-либо считает, что это не подлинная теория пролетарской революции, что для того, чтобы стать таковой, ее нужно немножко подправить троцкизмом, он должен сказать открыто и ясно, какие поправки он в нее вносит. Если есть антиреволюционное в учении большевизма о революции, — нельзя сочинения Ленина до весны 1917 года делать предметом науки пролетарской войны и пролетарской стратегии против буржуазии. Надо, по крайней, мере, сказать: это есть историческая древность, которую можно изучать, но по которой нельзя учиться, как нужно делать революцию. А учиться, как делать пролетарскую революцию, надо не по Ленину до 17 года, а по Троцкому, начиная с 1905 года.

Или Октябрьская революция была сделана под знаменем ленинизма без поправок, или же она была сделана под знаменем троцкизма и его поправок к Ленину, ибо большевизм оказался негодным орудием для решения тех задач, которые встали перед ним с февраля по октябрь. Тут надо выбирать. Тут идейный стержень спора, тут Троцкий заставляет партию сказать: чем мы были и чему мы будем учить не только наш, но и международный пролетариат, который хочет знать и имеет право знать, кто же прав — партия, которая говорит: ленинизм не нуждается в поправках со стороны троцкизма для того, чтобы быть теорией пролетарской войны с буржуазией, или тов. Троцкий, который говорит: ленинизм надо было пересмотреть, чтобы итти на приступ капиталистических твердынь с открытыми глазами. Своего читателя Троцкий искусно подводит к этой своей основной мысли: идеологически Октябрь оказался не ленинизмом, а троцкизмом, теория последнего оправдалась целиком, Октябрь шел, Октябрь объясним, и Октябрь может быть охвачен только его теорией, а не теорией Ленина; теория перманентной революции должна быть реабилитирована и признана тем идейным оружием, которое дало нам октябрьскую победу.

Вот после этого я спрашиваю себя, — что же значит фраза: „Я шел к Ленину с боями“? Она обозначает: я, Троцкий, пришел к Ленину потому, что в основных

вопросах о характере русской революции Ленин привел партию к троцкизму. Действительно, если теория Троцкого „целиком оправдалась“ в Октябрьскую революцию, а Ленин должен был пересматривать большевизм и откидывать присущие ему „антиреволюционные черты“, то надо сказать, что в идейной области Ленин пришел к Троцкому, а не наоборот. Тут надо выбирать, тут происходит подмен тонкий и отменно лицемерный.

Можно заранее предсказать, что для того, чтобы дать облагодетельствованной им партии какое-либо удовлетворение, Троцкий охотно признает, что он в прошлом делал кое-какие организационные ошибки. Что стоит признание в организационных ошибках прошлого, если этой ценой можно легализовать подмену ленинизма троцкизмом, если это признание должно прикрыть признание, что именно Троцкий снабдил партию большевиков остроотточенным оружием подлинно революционной теории, стоящей на уровне мировых задач русского пролетариата, если под прикрытием этого признания можно безнаказанно от имени партии доказывать, что антиреволюционные черты искони присущи большевизму — ленинизму? Париж стоит мессы! Роль идейного вдохновителя и теоретика большевиков и Октябрьской революции стоит того, чтобы признать за собою в прошлом несколько даже крупных, даже очень крупных организационных промахов.

В своих „Уроках Октября“ Троцкий и делает эту „уступку“ партии. „Свои действительные и большие организационные ошибки я признал“, — пишет он для того, чтобы затем, под прикрытием этой фразы, целиком всю статью посвятить доказательству того, что зато в области *основных* не организационных, а принципиально-политических вопросов революции он оказался целиком прав против большевизма и против Ленина.

Но разве об организационных вопросах шел 15 лет спор между Лениным и большевиками, с одной стороны, и троцкизмом — с другой стороны? Это — пустяки, отвод глаз. Спор был именно об основных вопросах революции, о соотношении классов в революции, ибо вопрос — „перманентная революция“ или теория тов. Ленина —

это вопрос о роли крестьянства в революции, вопрос о путях к социализму в аграрной стране, вопрос о способах и условиях осуществления диктатуры пролетариата в стране с преобладающим крестьянским населением. Это — не спор об абстрактных формулах. Это — спор о том, как, какими путями может пролетариат взять и *удержать* власть в крестьянской стране. Это спор не только о вчерашнем, но и о сегодняшнем и о завтрашнем дне. Теория и практика Ленина есть ответ на этот вопрос. „Теория перманентной революции", теория Троцкого, целиком построенная на недооценке роли крестьянства, отвечает лишь на один вопрос: как нельзя взять и нельзя удержать власть в этих условиях. Вот основа спора, и вот почему решительный протест должна вызвать попытка Троцкого подменить ленинизм троцкизмом.

Поскольку из-под кучи искажений, самовосхвалений и посторонних делу изучения Октября соображений, наполняющих „Уроки Октября", можно извлечь некий принципиальный стержень, некоторую принципиальную мысль Троцкого, — она вся целиком выражена в следующих его словах: „Ленин дал еще накануне 1905 года своеобразию русской революции выражение в формуле демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Сама по себе эта формула, как показало все дальнейшее развитие, могла иметь значение лишь как этап", и дальше следует литературное описание, смысл которого: „лишь как этап" к формуле Троцкого. Вот полностью и целиком сказанное признание. Сама по себе формула Ленина, *„как показало все дальнейшее развитие"*, могла иметь значение лишь как этап к Троцкому. И тов. Троцкий прекрасно знает, это он хотел сказать и сказал именно это! Вот если партия с этим согласится, тогда она должна сказать это прямо, тогда она должна перенести это на международную арену и сказать это Коминтерну. Учитесь-де у Ленина за первые 15 лет его деятельности, но помните, что это есть лишь этап к Троцкому, *„как показало все дальнейшее развитие"*.

Это — идейная суть всей последней книги Троцкого. Этот подмен ленинизма троцкизмом проведен Троцким

со всем умением, со всем тем литературным искусством, которым он обладает. А искусство у него большое. Эта книга написана не для широких масс, не для всей партии, — она написана для молодого, подрастающего поколения, для тех, кто будет в дальнейшем, завтра, через год — два определять судьбы партии. Взять реванш за те 12 лет, когда Ленин доказывал всю мизерность политики Троцкого, показать, что революция подтвердила его (Троцкого) теорию, и этим подменом большевизма троцкизмом отравить головы будущих руководителей партии, сидящих в коммунистических университетах, совпартшколах, рабфаках, вузах и т. д., — вот цель последнего выступления Троцкого, цель его книги „1917". Мы этого позволить не можем. Мы должны поставить вопрос ясно: или мы учим Ленину и ленинизму, или нам нужно свернуть знамя и выставить в качестве идеолога большевистской партии в самый критический момент революции — Троцкого. Тут нужно выбирать. Тут кокетничанием, умалчиванием, фразами, что „мартовская революция ликвидировала разногласия" и „я пришел к Ленину с боями", ничего не поделаешь.

В этой книге („1917") ругают Зиновьева, Каменева, Рыкова и других. Я буду об этом говорить и буду говорить о своих ошибках, но не думайте, что здесь ругают только их. *Здесь Каменевым, Зиновьевым бьют Ленина.* Весь вопрос о судьбах большевизма можно поставить так: у Ленина была правильная теория, но ученики Ленина не сумели ее применить, во-время не разобрались, не поняли обстоятельств времени и места; формула правильная, лозунг правильный, а какие-то большевики плохо ее осуществляли. Можно так поставить, а можно поставить и так: если из ленинской формулы сделать логически все выводы, тогда неизбежно попадешь в болото и трясину. Формула неправильная, а люди-то логически правильно применяли неправильную формулу. В первом случае это — оправдание большевистской теории и указания на ошибки отдельных большевиков. Во втором случае, когда говорится: ближайшие ученики Ленина взяли его формулу и, применяя ее буквально, попали в трясину, — после всего, что мы уже

знаем от Троцкого относительно антиреволюционных черт ленинизма, после того, как мы знаем, что „подтвердилась целиком“ теория Троцкого, а не Ленина, — во втором случае мы видим, что бьют не столько Каменева и Зиновьева, сколько Каменевым и Зиновьевым бьют основную формулу Ленина. Вот на чем построены эти „Уроки Октября“. Они представляют лишь продолжение, обоснование, развитие цитированных выше заявлений Троцкого 1908 г. и лишь в чуть-чуть замаскированном виде продолжают тогдашнюю полемику Троцкого с Лениным. „Уроки Октября“ имеют более глубокую цель, чем это на поверхности кажется. На поверхности кажется, что это — разоблачение Зиновьева и Каменева. Там это есть, но там есть больше, — там есть то, что ошибками Каменева и Зиновьева дискредитируют основные ленинские формулы и рекламируют троцкизм.

Партия не может и не должна пройти мимо этого подмена ленинизма троцкизмом, совершаемого под флагом Ленина. Что-нибудь одно из двух. Или в ленинизме есть „антиреволюционные черты“ и большевизм должен был отказаться от своего прошлого, чтобы сделать Октябрь, — и тогда это должно быть сказано, это должно быть внесено в те учебники ленинизма, по которым партия воспитывает миллионы своих членов, об этом должно быть ясно и точно рассказано коммунистам Европы. Или это — ложь, идейная путаница. Тогда — почему она имеет право жить, распространяться под флагом ленинизма? Под прикрытием восхвалений Ленина, — восхвалений, которые приобретают в этих условиях очень „странный“ — чтобы не сказать — лицемерный характер? Партия должна защитить основные формулы Ленина против подмены их троцкизмом. Каковы же эти основные формулы и как Ленин их проводил?

Ленин в апреле 1917 г.

Мы видели, каким образом тов. Троцкий изображает эту теорию, которой мы были вооружены, вступая в период Октябрьской революции. Мы видели, что его из-

ображение заключается в том, что старая большевистская теория, основные черты которой Ленин создал на основе опыта массового движения пролетариата и крестьянства в 1905 г., на основе практики первых Советов Рабочих Депутатов 1905 г., — что эта теория потерпела крах весной 1917 года, что большевизм должен был перевооружиться, чтобы оказаться способным решать новые задачи, что по существу дела он должен был откинуть старую большевистскую теорию и обратиться к Троцкому. Так представляет дело тов. Троцкий, с этой мыслью он входил в партию и с нею оставался в ней.

Правда ли, что большевизму, чтобы решить проблемы революции, нужно было отказаться от своего прошлого? Правда ли, что теорию революционно-демократической диктатуры рабочих и крестьянства нужно было отбросить, как явно обойденную жизнью. Как же было дело в действительности и как понимал его Ленин? Дело было так, — и так, только так понимал его Ленин, — что большевистская идея „рев.-дем. диктатуры пролетариата и крестьянства“ *осуществилась целиком* в русской революции и, *осуществившись* начала перерастать, перерастала и переросла в большевистскую идею диктатуры пролетариата. Этот рост вполне соответствовал и шел *параллельно* изменению соотношения классов в ходе русской революции. Тот, кто этого не понимает, не понял ничего ни в ленинизме, ни в истории партии, ни в истории революции.

Для того, чтобы ответить на поставленные выше вопросы, нужно обратиться к моменту, когда, по мнению Троцкого, Ленин совершал перевооружение, т.-е. к весне 17-го года, к той программе и тактике революции, которые тогда Ленин выдвинул. Я беру самое кардинальное произведение Ленина тех дней — „Письма о тактике“, в которых он комментирует, объясняет, разжевывает партии свои знаменитые тезисы 4 апреля. Что же говорит Ленин о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства? Действительно ли он должен был признать, что эта теория оказалась неправильной?

Ленин пишет: „Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства уже осуществилась в русской революции“... Совет Р. и С. Деп. — вот вам уже осуществленная жизнью „революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства“. (Соб. соч. Ленина, том XIV, ч. 1-я, стр. 29). „Советы Депутатов есть осуществление диктатуры пролетариата и солдат; среди последних — большинство крестьян. Это и есть диктатура пролетариата и крестьянства“. „Мы еще в меньшинстве, мы сознаем необходимость завоевать большинство“ (в этих органах диктатуры).

Значит, не в том дело, по мнению Ленина, что эта формула оказалась негодной для революции и несоответствующей ходу классовой борьбы. Нет, первыми его словами было то, что наша теория осуществлена в ходе революции, в живых учреждениях, созданных движением подлинных масс пролетариата и крестьянства. Из того факта, что большевистская теория насчет революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства осуществилась, Ленин делает единственный — и, конечно, правильный — вывод: раз наша теория осуществлена, нужно итти дальше. Каким же путем? Тем, чтобы на почве осуществленной уже диктатуры пролетариата и крестьянства объединять и сплачивать пролетарские элементы города и деревни против элементов мелкобуржуазных. Не останавливайтесь на осуществленной уже в революции большевистской формуле, идите дальше, — говорил Ленин тем большевикам, которые запнулись об осуществленную уже стадию революции. Он не говорит, что большевистская формула диктатуры пролетариата и крестьянства оказалась негодной и несоответствующей классовым интересам пролетариата. Он говорит: вы не замечаете, что она осуществилась, — осуществилась „своеобразно, как и всякая теория“, — добавляет Ленин, — „но осуществилась; а раз она осуществилась, двигайтесь дальше. А что значит двигаться дальше от формулы революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства? Это значит на почве этой диктатуты собирать и организовывать пролетарские элементы, чтобы от революционно-демократиче-

ской диктатуры пролетариата и крестьянства двигаться дальше — к диктатуре пролетариата, к чисто-социальному перевороту". Вот каково представление Ленина о том, соответствует или нет ход русской революции старой большевистской формуле. Но Ленин,— подлинный реальный политик, подлинный вождь масс, понимал что переход от диктатуры пролетариата и крестьянства к социалистическому перевороту — вещь очень сложная, к которой надо итти, но итти, все время оглядываясь на крестьянство, осуществляя диктатуру пролетариата так, чтобы на всех стадиях этого перехода она поддерживалась крестьянством. Поэтому Ленин все время примеряет свою тактику к тому, как разворачивается массовое крестьянское движение, специально изучая то „своеобразие" осуществляемой диктатуры пролетариата и крестьянства, что последнее на данной стадии революции сохранило в виде „оборончества" доверие к буржуазному правительству. Излагая взгляды споривших с ним большевиков, мои в том числе, и жестоко нападая на нас, Ленин пишет:

„Марксист должен не сходить с точной почвы анализа классовых отношений. У власти — буржуазия. А масса крестьян разве не составляет тоже буржуазии иного слоя, иного рода, иного характера? Откуда следует, что этот слой не может притти к власти, „завершая" буржуазно-демократическую революцию? Почему это невозможно? Так рассуждают часто старые большевики. Отвечаю — это вполне возможно... Возможно, что крестьянство возьмет всю землю и всю власть..." Когда крестьянство перестанет через эсеровские и меньшевистские советы поддерживать правительство, „когда,— продолжает Ленин,—крестьянство отделится от буржуазии, возьмет землю против нее, возьмет власть против нее, — тогда это будет новый этап буржуазно-демократической революции, и о нем будет итти речь особо".

Это много сложнее, чем теория Троцкого, которая прямолинейна, как полет вороны. У Троцкого с его лозунгом: „Без царя, а правительство рабочее" все очень просто, потому что он игнорирует крестьянство и не понимает условий осуществления диктатуры про-

летариата ни в Англии, ни в Америке, ни в Германии, а в аграрной капиталистически-отсталой стране.

В чем величие Ленина? Не в том только, что он поднял знамя диктатуры пролетариата, а в том, что он не только хотел говорить о рабочем правительстве, а хотел строить его. Величие Ленина в том, что он начал и провел осуществление диктатуры пролетариата в данных условиях данной аграрной страны, постоянно учитывая те реальные элементы, на которых эту диктатуру можно не только провозгласить, но и построить. Именно поэтому он еще в апреле 17 года вводил в свои расчеты и такую возможность, как „новый этап буржуазно-демократической революции“, в результат разрыва крестьянства с временным правительством и эсерами.

„Неизвестно, — писал он, — может ли теперь быть еще в России особая „рев.-дем. диктатура пролетариата и крестьянства“, оторванная от буржуазного правительства“. И действительно, в апреле неизвестно было, будет ли в ходе русской революции такой момент, когда крестьянство, оставив эсеровские и меньшевистские советы, выступит, не доходя до диктатуры пролетариата,- но уже против временного правительства. Ильич, как реальный политик и вождь масс, знавший, что мы осуществляем политику пролетариата в своеобразных условиях аграрной страны, строил тактику на оба случая: „и на случай, что Россия переживет еще особую, самостоятельную, не подчиненную буржуазии, „диктатуру пролетариата и крестьянства“, и на случай, что мелкая буржуазия не сумеет оторваться от буржуазии и будет вечно (т.-е. до социализма) колебаться между нею и нами“. (Собр. соч., т. XIV).

Вы видите, как подходит Ленин к классовым отношениям в революции, к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, как он представляет себе переход от буржуазной революции, завершающейся диктатурой пролетариата и крестьянства, к социалистической революции. Для Ленина перерастание рев.-дем. диктатуры в диктатуру пролетариата совсем не представлялось таким простым и прямолинейным, как это представлялось и представляется до сих пор

автору перманентной революции. Ленин не был бы Лениным, т.-е. не был бы практическим руководителем миллионных масс в ходе классовой борьбы, если бы он действительно перевооружился по Троцкому, ибо теория Троцкого вела неизбежно к крушению и пролетариата, и крестьянства. В своем чистом виде линия Троцкого— это игнорирование крестьянства, игнорирование переходов, в ходе которых крестьянство сначала доверяет правящей буржуазии, потом разочаровывается и выступает против нее, но еще в целом не присоединяется к пролетариату, и, наконец, последний этап — когда пролетариат на почве крестьянского восстания, ведя крестьян за собою, осуществляет диктатуру, пробуя и меняя разные формы союза рабочих и крестьян.

Вся эта реальная политика рабочего класса, которая единственно могла привести к диктатуре пролетариата, для Троцкого — грамота за семью печатями, совершенно недоступная, с точки зрения его теории, которую он теперь — задним числом — пытается навязать и партии, и революции.

Ленин очень хорошо знал, что отстать от хода революции — значит принести великий вред и революции, и партии. Но он очень хорошо знал также, что „недооценка крестьянства“, лежащая в основе троцкизма, есть величайшая опасность для революции и для партии. Поэтому-то, именно, категорически настаивая на том, что надо двигаться от рев.-дем. диктатуры *вперед*, он в то же время старательно предупреждал партию от того, чтобы она не попала при этом на рельсы троцкизма.

Нужно итти вперед — говорил Ленин весной 1917 г., когда он, будто бы, „перевооружал большевизм“, — но, идя вперед, начиная переход от революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства к диктатуре пролетариата, к социалистическому перевороту, не попадите на рельсы Троцкого, ибо троцкизм насквозь нежизненен, порожден недооценкой крестьянства, непониманием, как осуществляется диктатура пролетариата в крестьянской стране...

В этой же брошюре, где Ленин полемизирует со старыми большевиками, он пишет: „Но не грозит ли нам

опасность впасть в субъективизм, в желание „перепрыгнуть“ через незавершенную, не изжившую еще крестьянского движения революцию буржуазно-демократического характера к революции социалистической? Если бы я сказал: „без царя, а правительство рабочее“, эта опасность мне бы грозила, но я сказал не это, — пишет и подчеркивает Ленин, — я сказал иное“...

„Я абсолютно застраховал себя в своих тезисах от всякого перепрыгивания через неизжившее себя крестьянское или вообще мелкобуржуазное движение от всякой игры в „захват власти“ рабочим правительством“... И, продолжая, якобы, „перевооружаться“, на петербургской конференции в те же дни Ленин на забывает предостеречь: „Троцкизм — без царя, а правительство рабочее. Это неверно. Мелкая буржуазия (т.-е. крестьянство. — *Л. К.*) есть, ее выкинуть нельзя“.

Разве это не есть буквальное повторение в разгар революции (в разгар „перевооружения“ по Троцкому) того, от чего Ленин предупреждал партию задолго вперед? „Основная ошибка тов. Троцкого... — отсутствие ясной мысли по вопросу о переходе от этой (буржуазной) революции к революции социалистической“, писал Ленин в 1910 г.

Выяснить соотношение классов в предстоящей революции — главная задача революционной партии. Эту задачу неправильно решает Троцкий, повторяющий свою „оригинальную“ теорию 1905 года и не желающий подумать о том, в силу каких причин жизнь шла целых десять лет мимо этой прекрасной теории.

Оригинальная теория Троцкого берет у большевиков призыв к решительной революционной борьбе пролетариата и к завоеванию им политической власти, а у меньшевиков — „отрицание“ роли крестьянства. Крестьянство-де расслоилось, дифференцировалось; его возможная революционная роль все убывала... Троцкий не подумал, что если пролетариат увлечет непролетарские массы деревни на конфискацию помещичьих земель и свергнет монархию, то это и будет завершением „национальной буржуазной революции“ в России, это и будет революционно-демократической диктатурой проле-

тариата и крестьянства (писано в октябре 1916 года' в канун революции). И после этого у Троцкого хватает смелости сказать, что его теория „целиком оправдалась“ в 1917 г, и в то же время называть себя ленинцем... Нет, тут надо выбирать.

Вот чего опасался Ленин: не отстать от хода развития революционного движения; и он жестоко полемизировал с теми (со мной в том числе), которые не видели, что революция уже перешла из одной фазы в другую. Но, идя вперед, он больше всего опасался, как бы не попасть на рельсы абстрактной теории Троцкого, которого он здесь в десятый раз упрекает в перепрыгивании через неизжившее себя крестьянское движение.

Таким образом, Ленину не было никакой необходимости перевооружаться. Старая ленинская теория, старое ленинское большевистское представление о характере русской революции и о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства целиком, по словам Ленина, оправдались. На почве этого оправдания надо было итти дальше. Но, идя дальше, надо было ни в коем случае не попасть на ложные рельсы Троцкого, который вел к гибели и диктатуру, и пролетариат, потому что не умел, как не умеет никогда Троцкий, строить диктатуру пролетариата, учитывая реальное соотношение сил между крестьянством и пролетариатом.

Ленин все в той же брошюре, все той же весной 1917 г., когда он, якобы, „перевооружался“, напоминает, что еще за 12 лет, в июле 1905 года, выдвигая лозунг „революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства“, он писал следующее (Ленин цитирует свою статью): „У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства есть, как и у всего на свете, прошлое и будущее... Ее будущее — борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм“.

Зачем же Ленину и большевизму было перевооружаться и учиться у Троцкого, у „перманентной революции“, если за 12 лет до 17 года Ленин предсказал, что, когда революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства будет осуществлена, надо

будет итти вперед, к диктатуре пролетариата, но итти вперед, считаясь с крестьянством, создавая такие условия, при которых крестьянство шло бы за пролетариатом, а не перепрыгивая через крестьянство, как это предлагает Троцкий. Заимствовать оружие из арсенала Троцкого большевизму не было нужды.

Вот как было дело, как в действительности большевизм подходил к решению тех задач, которые были поставлены в 1917 году. Это было не „перевооружение“, не отсекание „антиреволюционных черт“, не залатывание расползавшегося большевизма троцкизмом, а предсказанное большевиками, лежавшее в основе большевизма *разворачивание* большевистских лозунгов, разворачивание, сообразование во времени и темпе с ходом революции и, в первую очередь, с ходом и со своеобразием этого хода под влиянием войны и крестьянского движения.

При этом некоторые большевики не так быстро, как этого требовал ход революции, бешено ускоренный гигантским давлением войны, перешли со ступеньки на ступеньку. Тому, кто смотрит на историю большевизма, как на чужое ему дело, можно по поводу этого плясать и радоваться. Но из того факта, что некоторые большевики не так быстро шагали по начертанному большевизмом маршруту революции, никак не следует, что маршрут большевизма был неправилен, что он вел не к победе, а в трясину, что его надо было в ходе революции изменить. А ведь это именно пытается доказать Троцкий своими фразами об антиреволюционных чертах большевизма, о его перевооружении, о том, что правильной оказалась не ленинская „рев.-дем. диктатура“, а троцкистская „перманентная революция“.

Ленин строил тактику, как я сказал, и на случай самостоятельного крестьянского движения, которое вырвется из-под ига меньшевиков и эсеров, которые тащили его к буржуазии, и на случай, если крестьянство окажется не в состоянии вырваться из-под власти буржуазии. И кто не понимает того, что вся тактика большевиков и специально Ленина, от февраля до октября, все время считалась с этими двумя возможностями, что

Ленин все время маневрировал так, чтобы крестьянство увлечь за пролетариатом и обосновать власть рабочего класса на союзе с крестьянством, — тот ничего не поймет в истории большевизма за эти месяцы.

И Троцкий тут ничегошеньки не понял, потому что не понял основного зерна ленинской теории о соотношении рабочего класса и крестьянства в русской революции. Он не понял этого и после Октября, не понимал при каждом повороте, который делала наша партия, маневрируя так, чтобы осуществлять диктатуру пролетариата, не отрываясь от крестьянства. Ему мешала понять это та теория, которая, по его мнению, „целиком оправдалась“. Если бы теория Троцкого оказалась правильной, то это обозначало бы, что никакой Советской власти в России уже давно не существовало бы. Игнорируя крестьянство, не давая никакого подхода к решению вопроса о союзе пролетариата и крестьянства, эта теория „перманентной революции“ ставит рабочее правительство в России в исключительную и полную зависимость от немедленной пролетарской революции на Западе. Согласно этой теории, „став у власти, пролетариат окажется перед глубочайшими противоречиями“; перед его властью будут стоять объективные социалистические задачи: „разрешение их столкнется с хозяйственной отсталостью страны; в рамках национальной революции выхода из этого противоречия нет“ [1]). При таких условиях задержка или затяжка мировой пролетарской революции обозначала бы немедленное крушение правительства рабочей диктатуры в России. Вот почему для „перманентщиков“ неизбежны судорожные переходы от припадков отчаяния и глубокого пессимизма к попытке властною рукою — в порядке военного приказа — расправиться с экономической отсталостью страны.

Действительная большевистская политика, которую Ленин с февраля по октябрь проводил, не имеет ничего общего ни с этой политикой, ни с этой психологией. Тот, кто не понимает этого, лишает себя возможности понять смену лозунгов в истории большевистского движения от

---

[1]) Ср. Л. Троцкий. V, стр. 286.

февраля до октября. „Власть советов“, когда в советах было большинство меньшевиков и эсеров, а мы в меньшинстве, снятие лозунга „власть советов“, как предлагал Ленин после июльских дней, предложение меньшевикам компромисса и мирного соревнования в советах в сентябре... Конечно, мы никогда не поймем этого, если не поймем, что политика ленинизма глубочайшим образом отличается от политики троцкизма.

А в момент Октября и непосредственно после Октября. Разве с точки зрения марксизма, с точки зрения анализа классовых сил революции принятие — по предложению Ленина — 2-м съездом советов эсеровского декрета о земле, разве включение — по предложению Ленина — в состав советского правительства левых эсеров, разве наименование — по предложению Ленина — правительства, созданного Октябрьской революцией, „рабоче-крестьянским правительством“, разве все это не было, — выражаясь термином, характеризующим в биологии перерастание одной формы в другую, — „переживанием“ „диктатуры пролетариата и крестьянства“ в системе, сущность которой уже состояла в „диктатуре пролетариата“? Можно перескочить через эти факты Октябрьской революции, но это не будет научным анализом ленинской политики. А переход от военного коммунизма к нэпу, от комитетов крестьянской бедноты к речи Ленина о „среднем крестьянине“? Как это увязывается с вполне оправдавшейся“ теорией перманентной революции? Никак не увязывается. Понять политику рабочего класса, стоящего у власти в России, можно только с учением ленинизма в руках. В нем — объяснение всех различных методов и подходов и переходов от одного метода борьбы к другому, начиная с февраля до октября и далее.

В 1916 году Ленин писал, что жизнь десять лет шла мимо прекрасной теории Троцкого, теперь мы можем прибавить к этим десяти годам еще ровно 8 лет. Дает ли то обстоятельство, что жизнь в течение 18 лет шла мимо теории Троцкого, право последнему претендовать на поправку ленинизма троцкизмом.

Так как жизнь шла мимо теории Троцкого, то Троцкий в своих книжках пытается подправить не только

ленинизм, но и жизнь, чтобы всячески доказать, что она все-таки шла по Троцкому. Но жизнь шла по Троцкому только в моменты наибольших провалов революции, а в те моменты, когда она вырывалась из этого подавленного состояния, когда разворачивалось подлинное классовое рабочее и массовое крестьянское движение, жизнь шла не по Троцкому, а по Ленину. Вот почему Троцкому понадобилось извращать факты; вот почему Троцкий обрек себя на то, чтобы во всей дальнейшей истории партии, на всяком более или менее крутом ее повороте, всякий раз, когда он хотел сказать „свое" слово, неизбежно попадать впросак.

Ленинизм целостно и полностью, без поправок, есть теория пролетарской революции. А фраза „я пришел к Ленину с боями" есть просто фраза, лицемерная дань ленинизму, маскирующая подлинную мысль Троцкого. Скитавшийся полтора десятилетия по меньшевистским литературным предприятиям политик, прибитый волнами народной революции к большевистским берегам, вошел в большевистскую партию с тайной мыслью, что прав-то был и остался он, вошел не с тем, чтобы учиться у партии, а с тем, чтобы партию учить, не с тем, чтобы вложиться всеми своими силами в общую, коллективную, массовую работу годами и десятилетиями складывавшейся рабочей организации, а с тем, чтобы парадировать перед ней в роли провиденциального спасителя. Его снедала мысль „отроцкистить большевизм". Перед партией по отношению к Троцкому, как по отношению к каждому своему новому члену, стояла прямо противоположная задача — „обольшевичить Троцкого". Удалась ли она?

ТРОЦКИЙ В ПАРТИИ. НАША ОШИБКА. ОКТЯБРЬ ПО ТРОЦКОМУ.

Рассмотрев „надежный" и „прочный" путь т. Троцкого к большевикам, перехожу к пребыванию тов. Троцкого в партии. В этой его деятельности мы должны отличить две струи. Первая, — когда тов. Троцкий точно и строго выполнял директивы партии, когда он, на ряду с другими, опираясь на весь коллективный политический

опыт партии, на всю партийную массовую организацию, выполнял те или иные задания и поручения партии. Тогда тов. Троцкий делал славные дела, тогда он, на ряду с другими, вписывал в свою личную историю и в историю партии славные страницы. Но именно потому, что тов. Троцкий вошел в нашу партию, как индивидуалист, который думал и думает, что в основных вопросах революции права не партия, а прав он, Троцкий, что партия должна троцкизмом подправлять ленинизм, — рядом с этой первой струей идет у тов. Троцкого другая струя, — та струя, которая доказывает, что тов. Троцкий не большевик.

Четыре попытки Троцкого поправить партию.

Партия помнит четыре момента, когда тов. Троцкий хотел научить партию, дать ее политике свой, троцкистский уклон. В первый раз это сказалось через несколько месяцев после того, как тов. Троцкий вступил в партию. Это было во время Брестского мира. Партия знает с достаточной степенью точности и ясности, чем на самом деле была подсказана тогда позиция тов. Троцкого. Это была недооценка роли крестьянства, прикрытая революционной фразой. Тов. Троцкий хотел поправить и направить партию, исходя из недооценки роли крестьянства. Это был путь поражения пролетариата и революции. Если вспомнить те аргументы, которые тов. Ленин выставил тогда против тов. Троцкого, то легко убедиться, что тов. Ленину не пришлось искать новых аргументов сверх тех, которыми он опровергал общую позицию тов. Троцкого в течение десятка предшествующих лет. Тов. Ленин упрекал его в двух политических грехах: непонимании соотношения между пролетариатом и крестьянством, и увлечении якобы левой, якобы революционной фразой. Эти два аргумента в устах тов. Ленина против тов. Троцкого не новы, но не новы они только потому, что недооценка крестьянства и увлечение революционной фразой в эпоху Бреста были не новыми грехами т. Троцкого. Напрасно думать, что есть два Троцких: один до 1917 года, другой после 1917 года. Тогда тов. Троцкий служил меньшевикам, теперь он перешел

к большевикам, но, входя в партию, он не счел нужным, во имя общей идеологии партии, отказаться от своей собственной идеологии в основных принципиальных вопросах русской революции. Именно поэтому тов. Троцкий в партии систематически повторяет *тип* своих ошибок того времени, когда он был вне партии.

Тов. Ленин на VII съезде партии утверждал, что политика тов. Троцкого фактически под прикрытием эффектной фразы ведет дело к поражению революции. Тов. Троцкий на самом же съезде подал заявление о выходе из ЦК. Но тов. Ленин не дал тов. Троцкому „поправить“ партию. Наступила гражданская война, эпоха военного коммунизма. Тов. Троцкий делал порученное ему дело. В направлении общей политики партии его участие было меньшим, чем когда-либо. Но вот революция подходит к новому повороту. В соотношении классов произошла передвижка. В форме дискуссии о профсоюзах партийная мысль предвосхищает вопрос, который через несколько недель был поставлен Кронштадтом, — вопрос о переходе от военного коммунизма к эпохе новой экономической политики. Чего искал тогда тов. Ленин? Он искал новых форм союза пролетариата с крестьянством, новых форм руководства партией широких рабочих масс путем применения более широких размеров взаимных методов принуждения и методов убеждения. Именно на этом пути искала — и нашла — партия под руководством тов. Ленина способы укрепить диктатуру пролетариата в новую эпоху. В чем видел тогда спасение тов. Троцкий? Он советовал потуже завинтить гайки военного коммунизма. Это была опять и опять недооценка крестьянства, увлечение внешними формами, методами „подтягивания“ и „администрирования сверху“. Лишенный возможности понять изменение соотношения между пролетариатом и крестьянством и значение этого изменения, тов. Троцкий вновь рекомендовал партии такие пути и такие методы, усвоив которые, диктатура пролетариата неизбежно крахнула бы, запнувшись о деревню. Партия и тов. Ленин опять не дали тов. Троцкому себя „поправить“. Ну, а дальнейшие — еще при жизни Владимира Ильича — попытки тов. Троцкого поставить вопрос о „плане“ —

в его своеобразном понимании, свойственном тов. Троцкому, его „формулы“ о „диктатуре промышленности“, разве это не были опять-таки попытки увязать мелкобуржуазную стихию сверху надетыми железными обручами, разве в этом опять-таки не сказывалось непонимание конкретных условий, при которых только и возможно осуществление диктатуры в аграрной стране с подорванной промышленностью в момент, когда международная революция затянулась? Не было ли и здесь попытки *обойти* реальные трудности осуществления диктатуры пролетариата в данных условиях при помощи эффектных формул, которые на самом деле реальных трудностей во взаимоотношениях пролетариата и крестьянства не облегчали, а обостряли? И здесь под эффектными формулами тов. Троцкого нетрудно нащупать неизбежно связанные с его оригинальной теорией: с одной стороны — отчаяние, пессимизм, неверие и, с другой стороны — преувеличенные надежды на методы переадминистрирования (ленинское словечко!), властного преодоления сверху реальных экономических трудностей.

Последняя дискуссия у всех еще в памяти. Она наглядно демонстрировала перед партией всю сумму ошибок тов. Троцкого, которые мы рассмотрели выше. Но она выявила с особой наглядностью — сверх уже ранее демонстрированных ошибок — еще одну черту троцкизма, тоже, впрочем, далеко не новую. Это — попытка подорвать и ослабить основной костяк диктатуры в виде партии. Сюда вело и дискредитирование „кадров“, и возрожденное меньшевистское представление о партии, как о сумме „групп и течений“, и ликвидаторский по сути дела подрыв авторитета руководящих учреждений („ведут страну к гибели!“). И разве под флагом тов. Троцкого не шло тогда представление о большой свободе внепартийных организаций от влияния партии? Разве все это в сумме не вело на деле к ослаблению диктатуры пролетариата, не основано было на недооценке тех условий, в которых мы—в крестьянской стране—должны осуществлять диктатуру, не демонстрировало мелкобуржуазного уклона?

У тов. Троцкого в тот момент, когда он входил в партию, осталось глубокое убеждение, что в основных

вопросах революции и диктатуры пролетариата прав он, а не Ленин. Партия этого не думает. В этом разгадка внутрипартийной позиции тов. Троцкого. Когда партия здорова, тогда все идет хорошо, тов. Троцкий выполняет спокойно ту работу, которая ему поручается, но как только партия натыкается на какие-нибудь затруднения, как только партии нужно повернуть руль, как только тов. Троцкий попытается парадировать перед партией в роли спасителя и поучителя, — он всегда указывает неправильный путь, потому, что в основных вопросах он не усвоил большевизма, в основных вопросах оставался на точке зрения противопоставления троцкизма большевизму. Именно по этому и Ленину, и партии всякий раз приходилось давать решительный отпор попыткам тов. Троцкого поправить партию. Партия знала и на опыте все более и более убеждалась, что поступить по Троцкому, значит подменить большевизм троцкизмом, что во всяком его предложении более или менее широкого характера, касающемся основных вопросов пролетарской диктатуры, сказывается та основная фальшь, что он вошел в партию с убеждением, что прав-то оказался он, что „целиком оправдалась“ его, а не ленинская, оценка основных сил революции, что он должен ленинскую партию „подправить“.

Наша ошибка.

У тов. Троцкого есть еще один козырь в борьбе против большевизма. Этот козырь — ошибки некоторых большевиков (моя и Зиновьева в первую голову, затем Рыкова, Ногина) в октябре 1917 года. Конечно, ошибки большевиков всегда используются врагами нашей партии против большевизма. Тов. Троцкий не прибегал к этому козырю, который известен партии, известен самому тов. Троцкому столько же лет, сколько мы живем после Октябрьской революции, но он не прибегал к нему, пока надеялся заставить партию пойти по своему, троцкистскому, пути путем обсуждения тех или других практических вопросов. Но когда четыре попытки — Брест, профсоюзы, дискуссия о плане и последняя дискуссия—

показали ему, что большевистскую партию свернуть с ее пути путем открытого обсуждения очередных практических вопросов невозможно, когда на XIII съезде он увидел партию, которая ему сказала, что мы, ленинцы, не нуждаемся в том, чтобы наша теория поправлялась в сторону троцкизма, он пустил в ход этот последний козырь. Не он первый, конечно. Эта ошибка была уже неоднократно использована нашими врагами: чем больше ошибка большевика, — а ошибка была громадной, хотя острые разногласия и продолжались только несколько дней, — и чем более ответственные большевики ее сделали, — а сделали ее очень ответственные большевики, — тем, конечно, соблазнительнее для каждого противника большевизма этими ошибками дискредитировать большевизм. Эту ошибку, как только она была сделана, использовали против большевизма наши тогдашние враги.

Но так же, как и сама ошибка, это использование было тогда просто похоронено в грохоте пролетарской революции. Ни сама ошибка, ни ее использование врагами не имели никаких реальных последствий: движение пролетарских масс буквально в несколько дней „поправило" колебавшихся большевиков, сняло разногласия и смело со сцены наших врагов. Ее затем злостно „использовали" против большевизма все, кто уходил от коммунизма: Леви, Фроссар, Балабанова. Ни один из них, порывая с коммунизмом, не упустил этой возможности, надеясь ошибкой большевиков дискредитировать большевизм. Теперь, после Леви и Фроссара — тов. Троцкий.

Колебания были недопустимы. Против них Ленин ополчился со всей силой и страстью вождя, заметившего, что в решительный момент его сотрудники своими колебаниями способны внести смущение в ряды. Он обличал колебания беспощадно и в горячую, решающую минуту не останавливался ни перед одним самым „свирепым" словом и предложением. И он был прав, прав до конца и безоговорочно. Тов. Ленин не был бы Лениным, если бы в такой момент остановился на полдороге, если бы позволил каким бы то ни было соображениям удержать себя от предложения самых крайних, до конца идущих мер. И мы не были бы „ленинцами" и учениками

тов. Ленина, если бы хоть на минуту усомнились, что эти меры тогда действительно вытекали из обстановки момента.

Но когда наступил момент для спокойного обсуждения, и именно для того, чтобы предупредить повторение подобных ошибок в других коммунистических партиях, Ленин дал точную характеристику этой ошибки. Именно тогда, когда Серрати попытался этой ошибкой Каменева и Зиновьева прикрыть свой уход от коммунизма, тов. Ленин писал: „Перед самой Октябрьской революцией в России и вскоре после нее ряд превосходных коммунистов в России сделали ошибку, о которой у нас неохотно теперь вспоминают. Почему неохотно? Потому, что без особой надобности неправильно вспоминать такие ошибки, которые вполне исправлены“. Я прошу прислушаться к тому, как Ленин формулирует наши ошибки: „Они проявили колебания в указанный мною период в сторону опасений, что большевики слишком изолируют себя, слишком рискованно идут на восстание, слишком неуступчивы к известной части меньшевиков“ и „социалистов-революционеров“. Конфликт дошел до того, что названные товарищи ушли демонстративно со всех ответственных постов и партийной и советской работы, к величайшей радости врагов советской революции. Дело дошло до крайне ожесточенной полемики в печати со сторон ЦК нашей партии против ушедших в отставку. А через несколько недель, самое большее через несколько месяцев, все эти товарищи увидели свою ошибку и вернулись на самые ответственные партийные и советские посты“ [1]).

---

[1]) *Ленин*, Собр. соч., т. XVII, стр. 373. Я не могу здесь останавливаться на восстановлении действительной картины октябрьских и предоктябрьских дней и извращений моей роли в них, сделанных Троцким. Я вернусь к этому в подготовляемом к печати сборнике моих статей и речей за 1917 год. Пока ограничусь парой фактов: в апреле я открыто, согласно постановления ЦК, на страницах „Правды“ дискутирую с Лениным, дискуссия продолжается на заседаниях петроградской и всероссийской апрельских конференций. Ленин в апреле же—после дискуссии—ставит и поддерживает и проводит мою кандидатуру в ЦК. После июльских дней Ленин письменно поручает мне, в случае какого-либо несчастия с ним, отредактировать и издать незаконченную его рукопись: „Государство и Революция“ (для чего вряд ли годится представитель „правого крыла“). 10-го октября ЦК решает вопрос о восстании. Несмотря на разногласия, и я, и Зиновьев выбираемся—вместе с Лениным, Сталиным и др.—в созданное на этом заседании политическое бюро для руководства

Вот точное, ясное, четкое, Лениным данное определение пределов наших колебаний и наших разногласий с ЦК.

Похоже ли это ленинское описание на злопыхательскую—и смешную по своему злопыхательству—попытку Троцкого создать из этого „правое“, чуть ли не меньшевистское „крыло“ в нашей, большевистской, партии. Троцкому обязательно надо, ради всей своей теории об „антиреволюционных чертах“ ленинизма, для дискредитирования идей ленинизма создать *внутри большевизма* „правое крыло“ с чуть ли не меньшевистским уклоном! Как бы это хорошо увязывалось с „перевооружением“ большевизма! Как бы хорошо это доказывало необходимость лечить ленинизм и ленинцев—троцкизмом! Как бы это облегчало распространение дорогих для Троцкого идей о „перерождении кадров“! Как же ради этих „достойных“ целей не использовать ошибок Каменева и Зиновьева? Правда, и тут Ленин и его сочинения несколько мешают. Но такова уж судьба тов. Троцкого: для достижения своих целей он всякий раз должен „преодолевать“ *Ленина, ленинизм и ленинцев.*

Троцкий еще раз о себе и о Ленине.

Одни ли мы ошибались, на взгляд Троцкого, в момент Октябрьской революции? Нет, не одни мы. Был еще один большевик, который глубоко ошибался в момент Октября. Действительно ли задача этой книги тов. Троцкого только в том, чтобы предостеречь от ошибок Каменева и Зиновьева? Увы, тов. Троцкий целит

восстанием. 11-го мы с Зиновьевым пишем свое письмо. 16-го октября на заседании ЦК мы совместно обсуждаем вновь вопросы восстания. 24-го октября на заседании ЦК я докладываю ЦК о некоторых технических сторонах подготовки восстания. 25-го и 26-го октября я, по поручению ЦК, конечно, председательствую на II Съезде Советов, объявившем советскую власть. 27-го октября—опять-таки согласно постановления ЦК—избираюсь председатемем ВЦИК, 2-го и 3-го ноября по поручению ЦК веду переговоры от имени ЦК с представителями других партий, 4-го ноября—в связи с разногласиями ЦК по поводу этих переговоров—я вместе с Зиновьевым, Рыковым, Ногиным и др. выходим из ЦК, 7-го ноября передаю председательствование во ВЦИК Я. М. Свердлову, а 18-го ноября получаю поручение от ЦК войти в состав брестской делегации для переговоров о мире с Германией. Таковы факты.

дальше, или, чтобы придать наиболее выгодное для тов. Троцкого освещение, — он попадает дальше. Как описывает Октябрь Троцкий?

В этой книжке очень много сенсаций. Но, пожалуй, самым сенсационным является в этой книжке фраза, которая касается именно Октябрьской революции. На стр. 50 своих „Уроков" Троцкий пишет: „Восстание 25-го октября имело только дополнительный характер". Тут много, вероятно, участников октябрьских событий, и я думаю, что все они с удивлением узнают через 8 лет после 25-го октября 1917 г., что восстание 25-го октября носило „только дополнительный характер". К чему? Оно, оказывается, носит „дополнительный" характер к событиям, которые разыгрались 9-го октября. Мы знаем основные даты революции. Но если я говорю: „события 9-го октября", то многие себя спросят, какое же такое событие было 9-го октября, по отношению к которому октябрьское восстание было только дополнением. 9-го октября—об этом напечатано в книге Троцкого — по предложению тов. Троцкого в Петроградском Совете, под председательством тов. Троцкого, была принята резолюция, которая кончалась такой фразой: „Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов не может брать перед армией никакой ответственности за такого рода стратегию Временного Правительства и, в частности, за вывод войск из Петрограда".

Конечно, это—важная резолюция; она связала гарнизон, не желавший итти на фронт, с Петроградским Советом. В том деле, которое Ленин, вслед за Марксом, называет „искусством восстания" установление связи между Советом и петроградским гарнизоном играло большую роль. Но послушайте, как этот момент 9-го октября описывает и оценивает Троцкий: „С этого момента (9-го октября) мы уже вступили фактически в состояние вооруженного восстания... Исход восстания 25-го октября был уже на три четверти предопределен в тот момент... По существу дела мы имели здесь вооруженное восстание... Мы имели *здесь „тихое" почти „легальное"* вооруженное восстание, которое было на три четверти, если не на девять десятых, совершившимся

фактом... Мы имели с этого момента в столице победоносное восстание“ (Л. Троцкий, „Уроки Октября“, 1917 г. стр. 59—60). Оказывается, 25-го октября действительно является только небольшой дополнительной черточкой к тому, что произошло 9-го октября, когда „мы имели“ не только предрешенный на три четверти исход, но и фактическое состояние вооруженного восстания, при чем восстания „тихого“ и почти „легального“, но зато — победоносного. Но тогда возникает вопрос: если 9-го октября на $^{9}/_{10}$ „победоносное“ восстание было уже совершившимся фактом, то как оценить умственные способности тех, кто сидел в ЦК большевиков и 10-го октября в горячих спорах решал, итти ли на восстание, или нет, и если итти, то когда? Что сказать о людях, которые собирались 16-го октября под именем ЦК с местными работниками, с работниками Военной Организации и еще и еще судили о шансах восстания, о силах восстания, о сроках восстания? Да ведь оказывается, оно было устроено еще 9-го октября „тихо“ и „легально“. И настолько тихо, что ни партия, ни ЦК этого не узнали. Но это еще туда-сюда; что такое партия, ПК, ЦК, когда Троцкий умудрился написать историю Октябрьской революции, в которой вообще ни ЦК, ни ПК нет, как живых действительных сил, как коллективных организаторов массового движения. А уж о том, что было в Москве, что не только в Петрограде, но и в Москве и в Иваново-Вознесенске был пролетариат, что он тут кое-что делал, — об этом никто ничего не узнает из „Уроков Октября“. Конечно, надо суметь так написать историю Октября, но тов. Троцкий очень ловкий, блестящий публицист, он может и так написать. Оставим поэтому в стороне ЦК, ПК, Военную Организацию. Ну, а Ленин? О Ленине тов. Троцкий сообщает тут же, на этой странице так: „Ленин, находившийся вне Петрограда, не оценил этого факта во всем значении... Ленин не имел возможности из своего подполья оценить коренной перелом“... и т. д. (Л. Троцкий, „1917 г.,“ „Уроки Октября“, стр. 59—60). Видите, какие мы с вами невежды на счет Октябрьской революции. Мы до сих пор представляли себе, что именно Ленин вел

Октябрьскую революцию, а организовали её ЦК, ПК, Военная Организация партии... Оказывается, ни ЦК, ни ПК не играли тут никакой роли. Их нет на сцене. Может быть, Троцкий, проводя резолюцию 9-го октября, действовал по дерективам руководящего центра, который подготавливал восстание? Такой центр был, но из „Уроков“ Троцкого об этом узнать ничего нельзя. Есть на сцене Троцкий, который „легально“ и „тихо“ решает победоносное восстание 9-го числа, в то время как состоящий, видимо, из не очень сообразительных людей ЦК обсуждает еще вопрос, нужно ли это восстание. Оказывается, вместе с тем, что Ленин сидел в подполье, обстановки не учел, соотношения сил не знал... Но мало того: не учтя и не зная обстановки, Ленин, — сообщает Троцкий, — давал советы: советы начать революцию в Москве.

Чтобы вполне выяснить роль Ленина, Троцкий сообщает следующее: „если бы восстание началось (по совету Ленина.—*Л. К.*) в Москве, до переворота в Петрограде, оно неизбежно получило бы еще более затяжной характер, с весьма сомнительным исходом, а неудача в Москве тяжело отразилась бы и на Петрограде“. (Л. Троцкий „Уроки Октября“, стр. 60).

Пока Ленин подает подобного рода „советы“, Троцкий, имея уже у себя в кармане „тихое“, но „победоносное“ восстание, производит „широко-обволакивающий маневр“. „Нам удалось, — пишет он с торжеством, — завлечь в ловушку советской легальности наших врагов“... „Наша „хитрость“ удалась на сто процентов“... „Соглашатели оказались... целиком и полностью пойманы“... Троцким.

Правда, Ленин, имея в виду именно это увлечение тов. Троцкого „широким обволакивающим маневром“ и рассчитывая гораздо больше на рабочих, матросов и солдат, чем на „хитрость“ тов. Троцкого, писал тогда: „Медлить — преступление, ждать Съезда Советов — ребяческая игра в формальность, предательство революции“. Но Троцкий, заканчивая описание роли своей и Ленина в октябрьские дни, победоносно отражает эти слова Ленина: „Устраивать вооруженное восстание под голым

лозунгом захвата власти партией — это одно, — поучает Троцкий Ленина, — а подготовлять и потом осуществить восстание под лозунгом защиты прав Съезда Советов — это совсем другое".

Вот расстановка фигур: Ленин сидит в подполье, не оценивает обстановки, не учитывает того, что $^9/_{10}$ восстания уже сделано, дает совет начать восстание в Москве, явно обрекая революцию на неуспех, нервничает, ведет дело под явно нелепым простецким „голым лозунгом захвата власти партией" (в чем, впрочем, исстари обвиняли Ленина буквально все меньшевики и Троцкий), — а с другой стороны, Троцкий уже 9-го октября устраивает „победоносное восстание", твердо, но выдержанно проводит „широкий обволакивающий маневр", „завлекает врагов в ловушку", „подготовляет и потом осуществляет победу под широким массам понятным лозунгом „защиты прав съезда советов". Кто же сделал восстание, кто им руководил, кто определил его ход, благодаря кому спасена Октябрьская революция? — Троцкий очень хороший литератор, но, как ни искусно перо тов. Троцкого, смысла его рассказа об Октябре нельзя не видеть. ЦК сидел в трясине, ПК не существовал на свете, тов. Троцкий в качестве председателя Совета своей политикой связывает гарнизон с Советом, умно маневрирует и оставляет 25-му Октября сделать лишь несколько дополнительных шагов, чтобы вручить пролетариату умно и тонко подготовленную победу. А Ленин это время сидит в подполье, не знает обстановки, дает советы устроить восстание в Москве, горячится и кипятится, что оттягивается уже совершенное собственно восстание, и сбивается в сторону голого „захвата власти партией".

О чем же говорят эти „Уроки Октября"? О том, что весною Ленин должен был перевооружиться идейно, отбросить старую теорию и взять оружие из арсенала Троцкого, а в Октябре неудачно пытался руководить восстанием, привести которое к победе суждено было тов. Троцкому.

Вот и надо выбирать, чему нужно учиться и учить: этой ли истории Октября, или же какой-то другой,

истории ли Троцкого, или же той, которая имеется в сочинениях тов. Ленина.

Я уже сказал вначале, что не могу разбирать отдельных ошибок Троцкого. Достаточно сказанного. Я не стану говорить об извращении событий в связи с апрельской конференцией, об извращении событий в связи с демократическим совещанием, но еще два места я укажу для того, чтобы показать, что — опытный политик и литератор — тов. Троцкий действительно попадает своими стрелами дальше... видимой цели.

Вот вопрос об Учредительном Собрании. Тов. Троцкий цитирует письмо мое и Зиновьева от 11 октября. Мы пишем так: „Советы, внедрившиеся в жизнь, не смогут быть уничтожены... Только на Советы сможет опереться в своей революционной работе и Учредительное Собрание. Учредительное Собрание и Советы — вот тот комбинированный тип государственных учреждений, к которому мы идем“.

Это мы писали 11-го октября. Троцкий комментирует так: „Чрезвычайно любопытно для характеристики всей линии правых, что теория „комбинированной“ государственности, сочетающей Учредительное Собрание с Советами, была 1½—2 года позже повторена Рудольфом Гильфердингом в Германии, также боровшимся против захвата власти пролетариатом“. (Л. Троцкий, „1917 г.“, „Уроки Октября“, стр. 37).

Ну, что может быть убедительнее? Мы писали о „комбинированном типе Учредительного Собрания и Советов“, — а через полтора года Гильфердинг повторяет это, — и вот тов. Троцкий пользуется случаем сказать, что эти, мол, люди похожи на Гильфердинга и „также борются против захвата власти пролетариатом“. Но прием, употребленный здесь автором, прямо позорен.

Мое и Зиновьева письмо было написано 11-го октября; я беру статью Ленина, написанную 6-го октября, т.-е. за 5 дней до нашего письма. Вот что пишет Ленин: „Возможны, при переходе от старого к новому, временные „комбинированные типы“ (как справедливо

указал „Рабочий Путь“ на-днях), например, и республика Советов и Учредительное Собрание“ (Сбор. соч. Ленина, т. XIV, стр. 167) *).

Что же выходит? Выходит, что в данном случае и Ленин был похож на этого Гильфердинга. Или нас надо развести с Гильфердингом, или Ленина повенчать с Гильфердингом. Но Ленина повенчать на Гильфердинге — это не выйдет, а вот Каменева с Зиновьевым повенчать на Гильфердинге — авось найдутся дурачки, которые этому поверят. Но оставим Каменева и Зиновьева, а как быть с Лениным? Ведь остается, что социал-предателя Гильфердинга Троцкий, чтобы побольнее ударить того, кого он хотел, но не умел ударить, — поместил где-то около Ленина. Троцкому не важна историческая правда. Изменение тактики в моменты, когда ситуация менялась изо дня в день, его не интересует, — его интересует дискредитировать всеми средствами большевизм.

Последний пример, тоже в двух словах. Все в том же письме мы в октябре 1917 года говорили: „Солдатская масса поддерживает нас не за лозунг войны, а за лозунг мира... Если мы, взявши власть сейчас, одни придем в силу всего мирового положения к необходимости вести революционную войну, солдатская масса отхлынет от нас. С нами останется, конечно, лучшая часть солдатской молодежи, но солдатская масса уйдет“. (Л. Троцкий, „1917 г.“, „Уроки Октября“, стр. 38). Пускай историк разберется, сколько тут было неправильной оценки. Но, что делает тов. Троцкий? „Мы видим здесь, — говорит он, — основные доводы в пользу подписания Брест-Литовского мира“. Итак, при Брест-Литовском мире, подписанном партией по настоянию, под железным давлением Ленина и против Троцкого, оказывается, „основные доводы“ были даны нами, „правыми“, „гильфердинговцами“. Так излагается история Брест-Литовского мира. Но это попадает не только в нас, но и в Ленина. Можно ли после этого удивлятся, что наши враги, у которых на гнилье очень тонкий

---

*) Статья, на которую сослался Ленин, написана тов. Зиновьевым.

нюх, по поводу некоторых книжек о Ленине пишут, что трудно сказать, написаны ли они сотрудником или соперником Ленина.

Ленинизм против троцкизма.

Теперь можно подвести итоги. Какой общий смысл этого выступления тов. Троцкого? Оно есть, конечно, продолжение всех его предыдущих выступлений. Партия дала решительный отпор его попыткам повернуть партию с линии большевизма на линию троцкизма, и Троцкий прибегнул к своему последнему отравленному оружию.

Мы—партия монопольная в стране. Мы в своих рядах собираем все, что есть в стране организованного, но мы не должны ни на минуту забывать, что мы окружены стихией нам классово чуждой, что эта стихия не будет падать, она будет расти, будет становиться политически осмысленнее. Формы легальной организации у нее нет. На почве развития промышленности, фабрик, заводов и торговли будет расти и мелкобуржуазная интеллигенция. Все эти мелкобуржуазные элементы, не находя себе открытого выражения в какой-либо общественной организации, неизбежно стремятся прорваться, проявить свои стремления через саму нашу партию. И, конечно, при этом нажиме мелкобуржуазной стихии на нашу партию она ищет в ней самого слабого звена, а самое слабое звено, конечно, там, где люди, вошедшие в партию, не ассимилировались с ней, затаили как тайну, не дающую им покоя, мысль, что они более правы, чем партия, что партия только по своему узколобию, по своему консерватизму, по традициям, потому что во главе ее стоит тот или другой кружок,—не хочет учиться у настоящих спасителей партии, вроде Троцкого.

Я говорю это с горечью, и вся партия скажет это с горечью, но это надо сказать: тов. Троцкий стал тем каналом, по которому мелкобуржуазная стихия проявляет себя внутри нашей партии. Весь характер его выступлений, все его историческое прошлое показывают, что это так. В своей борьбе с партией он стал уже

в стране символом для всего, что направлено против нашей партии. Это нужно понять прежде всего тов. Троцкому. Если он поймет это и сделает из этого необходимые выводы, все поправимо. Хочет он этого или не хочет (наверное *этого* он не хочет), но он для всех, кто видит в коммунизме своего главного врага, является символом высвобождения из-под ферулы коммунистической партии. Это — печальный, но совершенно неизбежный вывод для того, кто привык рассматривать политические явления не с точки зрения сплетен, а с точки зрения действительного анализа классовых соотношений. Перед нами товарищ с историей 20-летней, не очень давно явившийся в партию, но который вошел в партию, не отказавшись от своих заблуждений, который пытался внутри партии на каждом повороте провести свою точку зрения, который создал в партии такое отношение к себе, которое заставляло партию неоднократно призывать его к порядку, и неизбежно, что для мелкобуржуазной стихии, желающей найти для себя какое-нибудь знамя, эта политическая фигура, постоянно находящаяся в оппозиции к партии, систематически подрывающая авторитет большевизма, авторитет его руководящих центров, авторитет Ленина, — становится мало-по-малу символом и надеждой.

Вот та идейная опасность, перед которой ставит нас тов. Троцкий, и мимо которой мы пройти не можем. Я знаю, что в Москве, в городе специальном в смысле особой падкости до всяких слухов, уже передаются „вполне достоверные“ сведения, во-первых, о том, что книжка тов. Троцкого запрещена, что тов. Троцкий уже исключен из партии, что Троцкого собираются исключить из партии, и что Троцкого даже уже нет в Москве. Это, конечно, все сплетни. Никому в голову не приходило запрещать книжку тов. Троцкого, ни один из членов ЦК не поднимал и не поднимает вопроса о каких-либо партийных репрессиях против тов. Троцкого. Репрессии, исключение и т. п. не помогли бы разъяснению, а, наоборот, затруднили бы разъяснение и в то же время дали бы возможность смутьянам, которые хотели бы внести раскол в партию, помешать выяснению истин-

ных основ большевизма в отличие от троцкизма; а это именно сейчас основное.

Мы должны принять все меры, чтобы охранить от заразы этого небольшевистского учения те слои партии на которые оно рассчитывает, именно — нашу молодежь, тот будущий состав, который должен взять в руки судьбы партии. И поэтому усиление всяческого рода разъяснений о неправильности позиции тов. Троцкого, о том, что надо выбрать между троцкизмом и ленинизмом, что нельзя сочетать того и другого, — это должно быть очередной задачей нашей партии. Должно быть ясно для каждого сознательного члена партии, что есть троцкизм и есть ленинизм, что для нас, большевиков, и для международнаго пролетариата, идущего к своей победе, достаточно ленинизма, и нам не нужно ленинизм ни подменять, ни „подправлять“ троцкизмом.

РЕЗОЛЮЦИЯ,

принятая на собрании МК с активными работниками.

18 ноября 1924 г.

Заслушав доклад тов. Каменева собрание МК и активных работников, обсудив выступление тов. Троцкого со статьей „Уроки Октября“, считает своим партийным долгом заявить свое убеждение, что это выступление является грубым извращением истории большевизма и истории Октябрьской революции. Собрание не может не выразить своего негодования в особенности по поводу извращения тов. Троцким истинных отношений между тов. Лениным, с одной стороны, и партий и ЦК — с другой. Этого извращения тов. Троцкий добивается не только неправильным, противоречащим фактом партийной истории, изложением событий, но и извращением идейного содержания большевизма, вводя в заблуждение партию, Коминтерн и всю страну насчет отношений Ленина и ЦК в период Октября.

Будучи по своему идейному содержанию попыткой подменить ленинизм троцкизмом (который является не чем иным, как одним из видов меньшевизма), статья тов. Троцкого является продолжением зимней дискуссии, продолжением начатой тов. Троцким борьбы против руководящих учреждений партии и Коминтерна.

Собрание не может не видеть в этом выступлении—и по содержанию и по форме — нарушения со стороны тов. Троцкого обещаний, данных им XIII съезду, и подрыва единства партии.

Своим выступлением тов. Троцкий вновь ставит партию перед опасностью дискуссии, которую совещание считает абсолютно нежелательной и вредной в данный момент.

Партия не хочет дискуссии, но она, несомненно, хочет и добьется того, чтобы извращению большевизма был дан решительный отпор.

Собрание поэтому обращается к ЦК с просьбой обсудить весь вопрос на ближайшем пленуме ЦК и

а) принять решительные и исчерпываещие меры к тому, чтобы под флагом партии не извращались основные идеи большевизма, история партии и история революции.

б) принять меры к широкому распространению среди членов партии правильных сведений об истории нашей партии, ее борьбы с троцкизмом, действительной истории Октября и пр.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Ц. 20 к.

